

АЛЕКСАНДР
Баренберг

АнтиМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**«Ради жизни
над землей»**

Воздушный авианосец

Человек из торгового центра

Александр Баренберг

**«Ради жизни над землей».
Воздушный авианосец**

«Яуза»

2014

Баренберг А.

«Ради жизни над землей». Воздушный авианосец /
А. Баренберг — «Яуза», 2014 — (Человек из торгового центра)

Гитлер не зря величал свою Империю Смерти «тысячелетним Рейхом» – даже подыхая, нацизм дал метастазы за гранью нашей реальности. Сталин одолел «коричневую чуму» лишь на Земле – в соседнем Антимире война против гитлеровской нечисти продолжается! Крылатые бойцы-«ангелы» против фашистских штурмовиков! Воздушные авианосцы Союзников против цеппелинов, меченных свастикой! «Попаданец» из нашего времени готов пожертвовать собой не только «ради жизни на Земле», но и во имя спасения иных миров!

© Баренберг А., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Баренберг

«Ради жизни над землей».

Воздушный авианосец

Пролог

Несмотря на полностью отдернутые шторы, льющегося из окна тускловатого света явно недоставало, и человек в серой разношенной форме с полковничьими погонами включил настольную лампу, спрятанную внутри дурацкого цветастого абажура, расшитого стилизованными изображениями птеродактилей – наследства, полученного вместе с кабинетом и должностью от предыдущего начальника Патрульной Службы. Большого любителя, кстати говоря, пошлой роскоши и завсегдаемая немногочисленных еще, слава Создателю, светских салонов Метрополии. Ибо, как всю свою долгую военную карьеру считал нынешний хозяин кабинета оберст Франц Раус, время расслабляться еще не наступило. И наступит нескоро, в таком-то враждебном окружении! Особенно в свете последних событий. Увы, бедняга Клаус этого не понимал, слишком часто шупая девочек в известном заведении фрау Попперт вместо исполнения служебных обязанностей. В результате чего и схлопотал пулю промеж глаз от рук Самого... Эту жуткую сцену Раус не забудет, наверное, никогда. В том числе и потому, что она была рассчитана оказать воздействие прежде всего именно на него как следующего главу Патрульной Службы, призванного исправить ошибки прежнего, не оправдавшего доверия. Ведь можно было того и по-тихому расстрелять где-нибудь в подвале Рейхсканцелярии либо вообще отправить растряссти жирок в рядах штурмовиков, однако Канцлеру обязательно требовался воспитательный эффект. Поэтому прямо во время бессвязной речи несчастного оберста Готлиба, пытавшегося оправдаться в допущенных промахах, Старик, не вставая даже из-за стола, будничным голосом произнес: «Как мне надоели твои вечные отговорки, Клаус!» и тут же выстрелил из своего древнего, но ухоженного и прекрасно функционирующего «Вальтера» точно в переносицу бедняге. И ведь не дрогнула морщинистая, с обвисшей кожей, рука, несмотря на почти девяностолетний возраст и кучу болячек, включая едва наметившийся Паркинсон! А потом Канцлер медленно повернул голову в сторону Франца и скрипучим голосом выразил надежду, что пребывание того на новом посту не завершится подобным же образом. После такого «напутствия» даже настолько заслуженный и много чего повидавший в своем боевом прошлом офицер, как Раус, чувствовал себя в новом кресле не особенно уютно...

Франц тряхнул головой с коротко остриженными седыми волосами и, прогнав навевающие уныние воспоминания, продолжил рассматривать разложенные на столе фотографии. Да, противник рассчитал точно! Цеха завода по производству крупных паровых машин для дирижаблей, что называется, восстановлению не подлежат. Все разрушено до основания. Может быть, удастся после разборки завалов отремонтировать некоторое вспомогательное оборудование, но крупные установки для литья котлов придется строить заново. В общем, в Управлении Работ это уже поняли, так как параллельно с разборкой завалов начали рядом разравнивать место для возведения нового цеха с нуля. А вот вторая жертва неожиданной акции противника – дирижаблестроительный завод – пострадала заметно меньше. Обрушилась часть стапеля и сгорела оболочка строившейся боевой машины, но все оборудование можно восстановить. Со временем, конечно. И немалым. Однако подобной прыти от врага никто не ожидал! Да, тот применил новую тактику, новоявленный спаситель мира обучил крылатых дикарей правильно атаковать дирижабли, снабдил их взрывчаткой. Но после расстрела лентяя Клауса новое руководство Патрульной Службы во главе с хозяином кабинета быстро выработало спо-

события противодействия, и потери воздушных кораблей почти прекратились. Казалось бы – что еще мог противопоставить враг? Однако тот сделал нестандартный ход! И одновременно оказался настолько недалновидным, что сам возглавил самоубийственный рейд на Метрополию. Хорошо хоть, здесь об этом никто не знал, а захватом остатков экипажа сбитого дирижабля руководил лично старый друг Георг, новый глава разведотдела, назначенный на данную должность после бездарной гибели этого ничтожества Фогеля, упустившего оказавшегося слишком уж шустрым русского. Которого теперь, после вторичного попадания в плен, можно использовать для своих целей... Кстати, огромные настенные часы, в точности скопированные с образца, висевшего в зале ожидания железнодорожной станции во время исторического Переноса, показывают уже пять ноль пять, а Георг все еще не явился для доклада...

Словно в ответ на мысли начальника Патрульной Службы раздался стук в дверь и из-за приоткрывшейся створки показалась голова секретаря:

- Герр оберст, к вам на доклад прибыл майор Мориц!
- Пригласите его, Адольф! Подайте нам чаю, и на сегодня свободны!
- Слушаюсь, герр оберст!

В кабинет тут же ворвался привычным стремительным шагом упомянутый Георг Мориц, не останавливаясь, вскинул руку в традиционном приветствии, привезенном, как и все остальные традиции, «оттуда». На этом формальная часть завершилась, так как Франц встал и крепко пожал жесткую ладонь своего давнишнего боевого товарища и «вечного» подчиненного. Так случилось, что, куда бы ни направляла изменчивая военная судьба способного офицера Рауса, там же оказывался и молодой Мориц. С некоторого момента – не без помощи самого Франца. Началось все, когда в разведзвонд молодого лейтенанта Рауса попал новый солдат, прямо после «учебки». Смышленный и исполнительный, с умными голубыми глазами истинного арийца, парень сразу, с первых же боевых операций, снискал расположение командира, и тот после истечения положенного срока рекомендовал его к отправке в офицерскую школу. И через год крайне рад был увидеть новоиспеченного лейтенанта в качестве командира одного из взводов в только что полученной под командование роты. Ну а дальше за собой вверх по карьерной лестнице Раус тянул Георга уже вполне сознательно. Когда Франц возглавил разведотдел Патрульной Службы, сразу же перетащил своего протеже на должность заместителя начальника подотдела Дальней разведки. После перехода Рауса на пост начальника офицерской Школы Мориц остался в разведке, но уже в качестве начальника подотдела. И возглавил ее всю, когда тупица Фогель бесславно сгинул на Восточном континенте. А вскоре и Франц сменил расстрелянного Готлиба, став начальником всей Патрульной Службы. И теперь два этих человека держали, по сути, всю Службу в своих руках. Серьезный прокол со стороны всегда старавшегося плотно заниматься кадровыми вопросами Канцлера. Старееет Рудольф, старееет...

Поприветствовав начальника, Георг без приглашения (какие формальности между старыми товарищами?) уселся за стол, закинув ногу на ногу. Майор явно выглядел уставшим, на переносице его четко проявилась характерная морщинка, придававшая Морицу несерьезный вид простецкого рубахи-парня. И только близкие знакомые знали, что эта обманчивая внешность скрывала под собой жестокого, всегда максимально собранного и деловитого бойца. Лениво протянув руку, гость сгреб со стола пару лежавших там фотографий:

– Все любишь на фронт работ, предстоящих нашему общему другу? – широко и искренне улыбнулся майор, как будто действительно считал главу Управления Работ Фердинанда Ланга, ответственного, в числе прочих обязанностей, за восстановление заводов и инфраструктуры, своим хорошим другом. На самом же деле они с оберстом Раусом ненавидели туповатого, но крайне исполнительного и работоспособного «строителя» всеми фибрами своей истинно «патрульной» души. И как руководителя конкурирующей по многим пунктам конторы, и главное – как все более явно вырисовывающегося преемника смертельно больного Канцлера. Если давнишний противник по подкованным играм в коридорах Имперской канце-

лярии займет все же высшую должность Метрополии, то на карьере старых товарищей можно будет сразу поставить жирный, как мясо домашней бегемотосвиньи, крест. И очень повезет, если только на карьере...

– Да уж, будет ему где развернуться! – Франц охотно поддержал тему, ставшую любимой в последнее время в частных разговорах старых друзей. – Сколько очков в глазах Старика заработает! Если, конечно, найдет достаточно рабочей силы...

Собеседники после этого замечания многозначительно переглянулись, заулыбавшись теперь по-настоящему. Уж к пресечению потока новых пленных для пополнения быстро расходимого материала в рабочих лагерях, подчиненных Управлению Работ, оба непосредственно приложили руку. Тайно, разумеется. Формальных поводов имелось предостаточно. И недостаток дирижаблей для обнаружения стоянок варваров, и необходимость держать больше рабочих рук на передовых базах снабжения ввиду интенсивных боевых действий. А если скопление потенциальных пленников все же вдруг обнаруживалось, то частенько на него «случайно» падала бомба. Лучше химическая, для уверенности в результате. Все это происходило в соответствии с инструкцией, данной оберстом Раутом устно, в личных беседах наедине с командирами всех патрульных дирижаблей. Короче, конкурирующая контора внезапно столкнулась в последнее время с острой нехваткой рабочих рук, что, естественно, тут же сказалось на темпах строительных работ. Впервые за все время Канцлер устроил Лангу публичный разнос. А вот руководство Патрульной службы, наоборот, заработало некоторые очки, добившись путем внедрения новой тактики использования дирижаблей перелома в неудачно начавшейся кампании. И даже последний случай с угоном боевой машины сыграл «заговорщикам» на руку – ведь база, на которой та была захвачена, охранялась подчиненными Управлению Работ конвойными частями, значит, с них и спрос! А сейчас, пока долговязый Фердинанд будет возиться с восстановлением разбомбленных заводов, Патрульная Служба достанет очередной козырь из рукава – предприятие по ремонту дирижаблей на расположенной на Северном континенте базе. Там рядом с самым богатым месторождением железа из известных на этой планетке был построен сталелитейный завод. Работали на нем, под наблюдением немецких специалистов, горные цверги из дружественных кланов. А для перевозки выплавляемых чугунных чушек на металлообрабатывающие предприятия Метрополии создали терминал для приема грузовых дирижаблей. И нужную инфраструктуру соответственно. Но майор Мориц, в чьем ведении была эта база, пошел дальше и по собственной инициативе, на сэкономленные на других направлениях средства, значительно расширил обслуживающие мощности. Вплоть до постройки полноценного сборочного стапеля и цеха для капитального ремонта паровых машин. Благо, основной строительный материал – железо – тут и добывался. Его имелось в избытке, как и рабочих рук. В результате Дальняя разведка получила ремонтную базу прямо на границе не исследованного еще пространства, а теперь, на фоне временного прекращения производства воздушных кораблей в Метрополии, и вообще эта инициатива майора принимала стратегическое значение. После небольшой доработки там заложили постройкой новый дирижабль и машины к нему! Конечно, Канцлеру это будет представлено под несколько другим соусом. Руководство Патрульной Службы сделает вид, что титаническими усилиями производственная база была создана уже после первых потерь в войне, якобы в предвидении осложнений. На фоне неудач конкурентного ведомства это будет смотреться гигантской победой! Можно пожинать плоды своевременной инициативы...

– Однако рано радоваться! Позиции Ланге еще сильны! – хозяин кабинета отпил глоток из принесенного адъютантом стакана. У Адольфа всегда получалось хорошо заваривать крайне дефицитный – только для высокопоставленных работников, с единственной плантации – настоящий чай. Из-за редкости этого напитка мало кто умел правильно с ним обращаться. Даже жена самого Франца толком не знала, как это делается!

– Мы и не радуемся. Мы работаем! – В отличие от начальника, Мориц настоящий чай не употреблял, не находя его вкусным. Поэтому отхлебывал обычный «народный» травяной настой из стеклянного стаканчика в широком медном подстаканнике с выгравированной на его блестящей поверхности эмблемой Патрульной Службы – контуром дирижабля, перечеркнутого двумя молниями. Впрочем, адъютант герра оберста, зная вкусы частого посетителя этого кабинета, приготовил напиток так, как тот любил: с плавающими на поверхности листиками мяты и без сахара.

– И как же мы работаем? Хотелось бы узнать последние новости. – Франц в ожидании ответа смотрел на посетителя прямо поверх стакана, так что нижняя часть лица последнего причудливо искажалась сквозь слегка запотевшее кривое стекло, превращая небольшие оспинки на подбородке майора в гигантские кратеры.

– Все по плану! Он выздоравливает. Доктор Шульц сказал – ничего серьезного. Легкая контузия, пара царапин... Просто удача, что был трое суток без сознания! Я уже дважды допрашивал его – никаких подозрений. Кажется, поверил, что мы ничего не знаем!

– Кажется или поверил? – на мгновение внимательные карие глаза начальника Патрульной Службы нехорошо сузились. Он не терпел нечетких формулировок даже от друзей. – Это самый принципиальный вопрос во всей схеме операции!

– Поверил! – после секундного колебания подтвердил Георг. – Попробуй тут не поверить! Он же не может знать о наших... внутренних неурядицах. А без этого никакой логики в таких действиях нет.

– Хорошо! Значит, продолжаем по плану? Эх, если Канцлер узнает, боюсь, просто расстрелом мы не отделаемся! – понизив голос и придвинувшись к собеседнику, сказал Раус, хотя в его собственном кабинете их точно никто подслушать не мог. Могли бы – оба «заговорщика» давно болтались бы в петле, подвешенные за ноги, на главной и единственной площади Метрополии – Адольф-плац, где время от времени публично казнили самых опасных преступников.

– Ставки слишком высоки, Франц! Ты же знаешь: если Ланге займет Кресло, все равно сотрет нас в порошок. А он займет – война сама собой затихает, и мы становимся не настолько нужны, как Фердинанд с его строителями и конвойными частями! Крайне необходимо подтолкнуть дикарей к продолжению войны! И ты понимаешь, что только наш клиент может это сделать. Мы ему еще добавим немного мотивации в ближайшее время.

– Так ты все же готов рискнуть своим самым лучшим агентом? Не жалко? Ведь он почти наверняка не вернется!

– Без участия Дитриха провернуть задуманное невозможно. Речь же не о местном жителе, он сам погибнет в лесу за десять минут. А про высокие ставки я уже сказал. Тут не до сожалений! – твердо отрезал Мориц.

– Я тут опять засомневался... – Раус задумчиво потер свой мясистый нос. – Не достанет ли клиент вдруг опять какой-то припрятанный до сих пор козырь из рукава? Как бы нам на самом деле не начать опять проигрывать войну!

– Не беспокойся, Франц! – беззаботно рассмеялся майор. – По моей информации, нет уже у него никаких припрятанных козырей. Все что были, использованы. Все, что он может теперь, – лишь опять сплотить союзников. А уж с этим мы точно справимся даже без половины дирижабельного флота. И не забывай, возле него все время будет наш человек!

– Ладно! Ну что, – оберст потянулся рукой к шкафчику, где дожидалась своего часа бутылочка с неплохой настойкой домашнего приготовления, – за удачу?

Глава 1

Сквозь пелену беспорядочно мельтешащих перед глазами разноцветных нестерпимо ярких полос потихоньку проступали контуры таких до боли знакомых за два года заключения деревянных нар, обрамленных давно не крашенными стальными уголками, об которые очень удобно приложить головой соседа во время очередных внутрикамерных «разборок». Кстати, о голове. Почему она вся такая тяжелая и гудит, как перегруженный электрический трансформатор? Неужели не угодил чем-то «смотрим» и меня самого приложили об этот вот уголок? Ничего не помню!

Стоп!!! Какая еще, к чертям собачьим, зона?!! Я же давно уже отмотал срок и «откинулся»! Работаю охранником... Где я, блин?!! Попытался чуть повернуть голову, но тупая боль усилилась, распространившись также и на спину, и пришлось отказаться пока от намерения осмотреться. Зато мои поползновения и сорвавшийся с губ стон немедленно вызвали реакцию окружающей, но пока еще невидимой среды в виде донесшейся фразы: «Господин фельдфебель! Он, кажется, очнулся». Произнесенной на чистом немецком языке, между прочим. И тут я сразу вспомнил все...

Как попал во время очередного дежурства вместе с охраняемым торговым центром в неведомый мир с втрое меньшей силой тяжести и полуторной плотностью воздуха. И как чудом выжил при первой встрече с занесенным сюда подобно мне и размножившимся доисторическим зверьем. Как столкнулся с удивительными людьми, принятыми сначала за мифических эльфов, а оказавшимися просто сильно изменившимися в новых условиях за два тысячелетия потомками древних евреев. А потом и с потомками других народов. И в качестве своеобразного десерта к этому диковинному сэндвичу – настоящие нацисты на паровых дирижаблях, занесенные сюда недоброй осенью сорок четвертого года.

Вспомнил плен, невероятный побег и организацию общего сопротивления фашистской гадине. Первые победы над ранее недостижимыми воздушными машинами, ответные шаги противника, рост наших потерь и безумное решение бить прямо по логову врага с помощью трофейного дирижабля. И тот, последний, полет...

...Покрытый десятками пробоин от снарядов, так неудачно подвернувшись на пути «Эрликонов», воздушный гигант рухнул, не дотянув километра три до внешнего периметра Метрополии. Выжившие члены экипажа организовали оборону, желая подороже продать свои жизни. А куда деваться? В плену ничего хорошего не светит, особенно учитывая только что разбомбленные предприятия стратегического значения. Я, неудачно ударившись левым локтем при не больно-то мягком приземлении, возглавил группу, оборонявшую правый борт изрядно помятой гондолы. Свой карабин отдал кому-то из техников – все равно одной рукой нормально стрелять из него не смогу.

Немцы подтянулись довольно быстро, но сразу атаковать не стали, предложив через громкоговорители сдаться в плен. Желающих не нашлось, и тогда фигурки в ненавистной серой форме засуетились за ближайшими естественными укрытиями, начав штурм. Мы ответили слабо скоординированной стрельбой из карабинов и дирижабельных «противодраконьих» картечных. Враги залегли и начали неторопливый обстрел из чего-то тяжелого, похожего на минометы. Над нами, в остатках оболочки, раздались мощные взрывы, на головы посыпался всякий мусор. Все остававшиеся в живых члены экипажа попрятались внутри металлических помещений бывшей гондолы, дававших хоть какую-то защиту от визжащих вокруг осколков. Я тоже, забежав в спальный отсек, влез рядом с другими бойцами под откидную стальную койку, которая при следующем разрыве и стукнула меня по башке, сорвавшись, видимо, с креплений. На этом воспоминания обрывались...

Так что, надо полагать, нас не добились на месте, а взяли в плен. Не уверен, что я рад именно такому исходу. Вряд ли они меня сейчас лечат ради любви к ближнему или в память о принятых некогда на Земле конвенциях. Скорее, подлечив, захотят выпытать побольше подробностей о наших планах и новом снаряжении, ну и рассчитаться за чувствительную атаку, само собой. Боюсь, ни та, ни другая процедура мне особо не понравятся!

Размышления прервала лохотная рожа в белой шапочке, выплывшая из тумана периферийного зрения и нависшая прямо надо мной. Рожа, судя по антуражу и внимательному осмотру, которому ее обладатель подверг меня, принадлежала местному медработнику. Видимо, результаты осмотра ее вполне удовлетворили, так как, вдоволь насмотревшись и наслушавшись в традиционный старомодный стетоскоп, бросила на столь знакомом языке немецких осин еще кому-то, остающемуся пока невидимым мне: «Хорошо! Продолжайте соблюдать режим!» – и испарилась, не попрощавшись. Впрочем, при появлении она не здоровалась, так что все логично.

Тем временем в поле зрения появился новый персонаж. Густо заросшее бородой лицо и маленькие злые глаза. Если предыдущим посетителем был врач, то теперь, по логике вещей, ожидалась вроде как медсестра, однако склонившийся над кроватью бородач мало соответствовал моим представлениям о внешнем облике представительниц этой профессии. Тем не менее именно он, увы, и оказался заботящейся обо мне сиделкой. Поднеся к моим губам нечто вроде маленького чайничка, бородач произнес по-русски с сильным и странным, но слегка знакомым акцентом:

– Випей, Валентин! Нядо!

Автоматически присосавшись к носику чайничка, откуда потекла довольно приятная на вкус жидкость, стал лениво размышлять на тему: почему санитар, или кто он там, назвал меня Валентином, если я на самом деле Валерий? А точно ли я Валерий? Ничего не напутал после удара по голове? Да вроде нет...

Промочив горло, почувствовал себя в силах попытаться что-то сказать. Например, осведомиться: где я? Хотя ответ вроде как очевиден. Тогда лучше поинтересуюсь, почему он меня назвал чужим именем. Только дипломатично, а то вдруг обидится:

– Отку...да ты знаешь, как... меня зо...вут? – с трудом прохрипел я, слегка переоценив свои возможности по ведению разговора.

– Отсюда! – неожиданно охотно ответил бородач и, протянув куда-то руку, продемонстрировал прямоугольную металлическую пластинку с выгравированной надписью. Такие «смертные медальоны», носимые на цепочке на шее, по моему же собственному предложению были изготовлены для всех бойцов, отправлявшихся и опаснейший рейд. Но на этом вместо «Валерий Кожевников» было выгравировано «Валентин Дроздов». Это же не мой! Я чуть было не поделился открытием вслух, но вовремя спохватился. Потому что, кажется, понял, как это могло произойти. Когда я потерял сознание, кто-то из бойцов подменил мне медальон, сняв другой с убитого товарища. Понимали, что в плену мне придется похуже, чем остальным, и попытались запутать врага. Если это так, то стоит поддерживать легенду.

Я помнил Валу Дроздова. Это один из кочегаров из машинного отделения. Я же их всех инструктировал. Хороший парень! Был, судя по тому, что его медальон оказался на мне... Но почему другие выжившие не «сдали» меня? Все такие стойкие? Или просто, кроме меня, никто не выжил в том бою? Размышляя об этих невеселых вещах, провалился в спасительный сон...

Так прошло несколько дней. Точнее даже затрудняюсь сказать. Может, пять-шесть, а может, и все десять. Большую часть этого времени я отсыпался. В перерывах гном, оказавшийся «медсестрой», кормил и поил меня, а также делал перевязки нескольких осколочных, видимо, ранений. Разговаривать, кроме как по непосредственно касающимся лечения вопросам, бородастая морда отказывалась наотрез. Ночью дежурного санитаря менял точно такой же

гном, поначалу казалось даже, что брат-близнец. Но через некоторое время я стал их различать. У «дневного» нос был покрупнее, с красноватыми прыщиками, а борода – посветлее и погуще. А у «ночного» из ушей торчали могучие пучки волос. Кроме того, у «ночного» был совсем уж жуткий акцент.

Дважды в день заходил доктор Шульц – та самая лощенная рожа. Молча осматривал и уходил, иногда давая указания санитарам. Со мной говорить не пытался. Я с ним тоже – судя по всему, доктор по-русски не понимал, а на немецкий перейти было нельзя, чтобы не выйти за рамки «легенды». Откуда простой кочегар мог знать язык противника?

Вскоре меня заставили встать с постели и делать регулярные разминки и лечебную гимнастику. Выполнял я все это, что называется, добровольно-принудительно. С одной стороны, хотелось поскорее прийти в норму, но с другой, понимал, что сразу после этого окрепшим пленником займутся по-настоящему. И уже совсем не врачи. А даже как бы наоборот... Однако моим мнением насчет интенсивности лечебных процедур никто не интересовался. С истинно немецкой пунктуальностью гномы выполняли все предписания лощенного доктора. Даром, что сами далеко не арийцы. Сказано четыре раза в день вставать для разминки – изволь подчиняться, нравится тебе это или нет.

Но доктор свое дело знал туго. С каждым днем я чувствовал себя заметно лучше. Хотя, насколько удалось понять, и повреждения оказались не столь уж и серьезные. Контузия и легкое сотрясение мозга, скорее всего. А также пара десятков ушибов и неглубоких резаных ран. До свадьбы заживет...

Примерно через неделю с небольшим после первого пробуждения пациента сочли достаточно окрепшим для начала допросов. По окончании завтрака меня вместо привычного отдыха облачили, к большому удивлению, в собственную одежду. Хорошо выстиранные и подлатанные маскировочные штаны и такую же рубашку. И даже собственные ботинки! Просто балуют, можно сказать. Не к добру это... До сегодняшнего дня я перебивался гибридом простыни и одеяла с дыркой для головы, чем-то напоминавшим рубашку для рожениц. Но, наверное, сочли такой вид оскорбляющим взор офицеров, проводящих допрос.

Неотлучный гном помог нацепить все это и под локоток вывел в коридор, где передал прямо в руки двум крепким суровым парням с карабинами. Впрочем, санитар прощаться не стал, а последовал за нами, придерживая меня с одной стороны, на всякий случай. Ведь из комнаты до этого я еще не выходил. С другой стороны меня подпирал один из конвоиров, так что падение мне не грозило. Зато, скорее всего, грозило что-то значительно более неприятное. Нельзя сказать, что я совсем не боялся, – мандраж был, однако гораздо более слабый, чем следовало бы в подобной ситуации. Может, это связано с последствиями контузии...

Далеко идти не пришлось. Всего-то до конца коридора примерно пятидесятиметровой длины. И очень маленькой высоты, придававшей ему вкупе с грубовато выложенными из камня стенами вид вырубленного в скале тоннеля. Мои друзья «эльфы» смогли бы идти здесь, лишь пригнувшись. Да и я, учитывая низкую силу тяжести, при слишком энергичном шаге имел шанс оцарапать макушку о потолок. К счастью или несчастью, но в моем нынешнем состоянии было не до прыжков.

В конце коридора меня втолкнули в узкую дверь. Комнатка не поражала ни размером, ни убранством. Стол и два стула. И все. Явно не чей-то рабочий кабинет. Скорее – допросная. Меня усадили на стоящий посреди помещения грубо сколоченный стул. Конвоиры встали по бокам, а гном вообще остался за плотно прикрытой дверью.

За столом, глядя на меня кристально чистыми голубыми глазами, восседал мужчина средних лет в серой полевой форме, довольно поношенной, которую украшали майорские погоны. Офицер имел достаточно располагающую к себе внешность – округлое, чуть вытянутое лицо правильной формы с твердым, покрытым оспинками подбородком и несколько выда-

ющимися вперед скулами. А смешная морщинка на переносице и вовсе придавала ему несерьезный вид. Не могли подобрать для допроса кого-либо с более устрашающей внешностью?

Майор не стал затягивать начало.

– Свое имя я называть тебе не буду. Незачем. Можешь называть меня «герр майор». Или даже «товарищ майор», если тебе так привычнее! – бодро приступил к допросу тот на довольно чистом русском языке. Покойный Фогель тоже неплохо по-русски чесал, кстати. У них это обязательный элемент подготовки офицеров, интересно? Или только разведчиков?

Так как я в ответ промолчал, то веселый нацист продолжил, придвигая к себе картонную папку и письменные принадлежности, состоявшие из металлического, с костяной ручкой пера и простой медной чернильницы с крышкой. От вида этих предметов на меня пахло уже подзабытым духом казенной канцелярщины докомпьютерной эры. Можно было бы сказать – ностальгическим духом, если бы не обстановка...

– Итак, вы – Валентин Дроздов?

Я кивнул, все еще не проронив ни слова.

– Исполнял обязанности кочегара на подло захваченном воздушном судне? – продолжал демонстрировать информированность владелец антикварных письменных причиндалов.

– Почему подло захваченном? – разыграл возмущение я. – На войне все допустимо!

– Не забывайте, что это применимо и к вам! – мило улыбнулся майор, но от этой улыбки повеяло могильным холодком. Непрост этот вражина, ох, непрост...

Сделал вид, что испугался, и опустил голову.

– Но если вы расскажете все, без утайки, то, надеюсь, обойдется без неприятных э... процедур.

– Что я могу рассказать?

– Все! Для начала: как, кто и где вас готовил?

Рассказал. Чего мне запариться? Только старался случайно не превысить уровень осведомленности простого кочегара. А то жаль будет столь глупо проколоться, если судьба подкинула такой щедрый подарок! Вопросы между тем продолжали сыпаться:

– Что вы можете рассказать о количестве и расположении сил союзников? Об их оперативных планах?

Ничего себе, какие вопросы! Тут полностью развернутый ответ не смогу дать даже я как верховный главнокомандующий союзных сил, а не как простой кочегар, которого сейчас разыгрываю. Думаю, допрашивающий это понимает, поэтому важно не выйти из роли. Сделал удивленное лицо, как будто не понял половины слов. Тогда майор зашел с другой стороны, упростив задачу. С удовольствием рассказал ему о подготовке налета на Метрополию и привлеченных для этого силах. Все равно часть из бойцов и обслуживающего персонала сразу передислоцировалась в обратном направлении, а остальным, увы, уже ничего не повредит.

Еще майор сильно интересовался мной. То есть Валерием Кожевниковым, разумеется. Где он постоянно находится, чем занимается, видел ли я его вообще? И почему не возглавил этот налет? Вот те на! Они что же, вообще не знают, что я был на борту? Охренеть!

– Откуда я знаю, почему он не полетел? – как можно более равнодушно пробурчал я. – Об этом могут знать только товарищи из рубки. Спросите у них!

– Увы, у них уже не спросишь! – сообщил мне майор печальную новость. – Только вам повезло остаться в живых после минометного обстрела. Вас завалило металлическими листами, отвалившимися от обшивки и защитившими от осколков. Так что постарайтесь не потерять из-за глупого упорства подаренную вам счастливым случаем жизнь. Идите отдохните и подумайте, что еще интересного вы можете нам рассказать!

Меня увели. По дороге я подумал, что теперь мою тайну точно раскрыть некому. Однако что мне это дает? Ну еще пара допросов, пока не поймут, что выжали из бедного кочегара

все до последней капли, и что? Расстрел? Или мне показалось, что майор намекал на какие-то другие варианты?

Ответ я получил примерно через две недели, в течение которых меня еще дважды вызывали на допрос. Последний раз майор в открытую угрожал пытками, но так вяло и формально, что мне стоило усилий даже просто изобразить испуг. А в конце допроса он поднял телефонную трубку и по-немецки, думая, что я не понимаю, спросил неведомого абонента, не нужны ли тому лишние, сравнительно квалифицированные рабочие руки. Видимо, оказались нужны, потому что офицер пообещал собеседнику по дружбе выслать немедля. Так как более в кабинете никого не наблюдалось, я не сомневался, что речь именно обо мне.

Так и оказалось. Выйдя из допросной, конвоиры повели меня не направо, в привычную уже палату, а налево, к выходу. Уж не разыграл ли меня майор? Может, у него такой тонкий юмор? Вдруг сейчас как прислонят к стенке? Вот слева как раз подходящая... Но нет. Провели мимо. Неужели вот так, просто и буднично, не опознав во мне главного врага Рейха, отправят в трудовой лагерь? Никогда бы не поверил в такое переплетение случайностей...

Глава 2

– Кочегар! Давай сюда, быстро!

Это Везунчик, здоровенный жлоб, выше даже меня, занял место за оставленным пока на участке огромным бревном. Бывший ствол гигантской сосны еще не успели полностью очистить от веток, поэтому и не оттащили к платформе, распилив предварительно на куски. Теперь за этим укрытием можно спокойно, насколько это слово вообще применимо к чему-либо здесь, в лагере, пообедать.

Я, подхватив котелок с мутной вонючей жидкостью, почему-то именуемой тут обедом, торопливо, пока не видит присматривавший за получением пищи гном-бригадир по имени Мергз и по кличке Мерзавр (используемой, конечно, исключительно среди «своих», не то мало не покажется) присоединился к товарищу. За мной сунулся было один из варваров, кажется Гволг – путаю их еще, но огреб тычок локтем под ребро от подошедшего с другой стороны Крепыша и, чуть не выронив от неожиданности флягу с похлебкой, обиженно отвалил. Правильно, можем мы хоть иногда спокойно поговорить без чужаков?

Спустя полминуты через поваленный ствол, бережно держа обеими руками металлический сосуд с бесценной сейчас жидкостью, перемахнул Вонюша, а вскоре к нам присоединился и Ощутилло. Все «свои» в сборе! Расселись полукругом, спинами к стволу, чтобы держать под визуальным контролем все окружающее пространство – рефлекс, вбитый в подкорку каждого «расчистника» в первые же дни пребывания в лагере. Иначе – смерть. То ли от зубов просочившегося сквозь внешний периметр ящера, то ли от падающего ствола срубленного варварами-придурками с соседнего участка дерева, то ли от шипастой дубины Мерзавра, застукавшего тебя за отлыниванием и не рассчитавшего сгоряча силу удара. Какая разница?

Вначале поглощали пищу молча, пытаясь поскорее ощутить хоть что-то внутри вечно пустого желудка. Соседи торопливыми движениями черпали со дна своих котелков жиденькую похлебку. Эта жуткая смесь неопределенно-грязного цвета долго мне не давалась! Только к концу первой недели привык заглатывать вонючее месиво без того, чтобы тут же исторгнуть его обратно. И то исключительно под впечатлением насаженных на частокол вокруг бараков голов бывших заключенных разной степени сохранности, многих – явно раскроенных дубинами бригадиров. Под каждой из них с типично немецкой пунктуальностью была прикреплена табличка, сообщающая по-немецки и по-русски, но с грамматическими ошибками, в чем провинился ее бывший обладатель. На части было написано: «Неподчинение приказам бригадира», на других – «Он пытался бежать в лес!», но на большинстве красовалось: «Он сказал, что у него нет сил работать!». Именно на такие таблички многозначительно указал мне своей дубиной Мерзавр после того, как меня в очередной раз вырвало скармливаемой нам похлебкой. После такой демонстрации желудок смирился и согласился принимать эту жижу. Тем более что, как говорится, голод не тетка.

Надо сказать, что при совершенно отвратительном вкусе похлебка являлась довольно питательной. Судя по всему, ее изготавливали методом «бросай в кастрюлю все, что подвернется под руку». А набор доступных лагерным гномам-поварам компонентов оказался довольно ограничен. Плоды, в том числе и подгнившие, найденные при расчистке, листья и кора некоторых деревьев, съедобные виды трав. Подножный корм, что называется. И в качестве основного источника калорий – отруби и потроха с расположенного неподалеку от Периметра мясоразделочного комбината, куда с окрестных ферм свозили на убой животных со странным названием – «бегемотосвинья». То ли это свинья размером с бегемота, то ли гибрид какой – не знаю, видеть не доводилось. Но потроха у нее жирные, хотя и ужасно вонючие. Однако немецкий контролер на лагерной кухне строго следил, чтобы в похлебке содержалось точно установленное инструкцией количество калорий. Порядок есть порядок! Насчет вкусовых кондиций в

спущенной из Управления Работ (так называлась, оказывается, организация, в ведении которой состояли трудовые лагеря) инструкции, видимо, ничего не говорилось. И очень жаль!

Изредка попадавшиеся с отрубями кусочки мяса повара-гномы срезали себе, отдельно готовя суп для бригадиров и остальных имевшихся в лагере соплеменников. Насчет статуса этого странного народца – северных гномов, как их называли в Рейхе, я так до конца и не понял – то ли они просто были привилегированными заключенными, то ли вольнонаемными. Скорее всего, что-то среднее.

Когда я три недели назад попал сюда, то не понимал вообще ничего и, даже минимально не зная порядков, мог сильно от этого пострадать. Вплоть до летального исхода. Тут с этим быстро... Однако мне повезло встретить добрых товарищей, готовых вовремя подсказать...

Дело было так. Покинув после третьего и неожиданно оказавшегося последним допроса то ли больницу, то ли тюрьму, конвоиры направились на ближайшую станцию поезда. Там меня загнали на открытую грузовую платформу. Пустую. В результате я около получаса наслаждался медленно, со скоростью километров тридцать в час, проплывающими мимо пейзажами Метрополии, сдобренными густым паровозным дымком, постоянно лезущим в ноздри. Вокруг железнодорожного полотна расстилались многочисленные поля, засеянные вполне обычными, на мой неискушенный взгляд, злаками. Скорее всего, первая волна переселенцев имела с собой семена земных культурных растений. Ведь они собирались колонизировать Африку.

Иногда встречались небольшие, на пять-шесть аккуратных домов, деревушки. Рядом с ними располагались продолговатые закрытые строения, там, наверное, содержались домашние животные. А вдалеке виднелись явно промышленные сооружения. Кажется, даже промелькнул на горизонте разбомбленный нами завод.

Наша местами не лишенная приятности после долгого заключения в закрытом помещении поездка завершилась у высоченного, метров в десять, частокола из толстых обструганных стволов. Верхушки дрынов были заострены, и их густо обвивала колючая проволока. На каждый километр примерно данного «заборчика» приходилась высокая сторожевая башня с наблюдателями. Не оставалось сомнений, что это и есть тот самый хваленый внутренний Периметр, в шутку называемый в штабе союзников Великой Немецкой Стеной. Действительно надежная преграда для зверья и врагов, преодолеть которую впервые удалось только с помощью трофейного дирижабля.

Почему внутренний, я понял, когда меня грубо вытолкнули прикладами с платформы (железная дорога заканчивалась у частокола) и провели на ту сторону сквозь широкие металлические ворота, украшенные довольно ожидаемой надписью: «**Arbeit macht frei**»¹. М-да, Четвертый Рейх оригинальностью явно не страдал... Джунгли отнюдь не начинались прямо у забора. Ближайшие деревья находились не ближе чем в полукилометре от ворот. А за ними еще примерно в полукилометре местами виднелся заборчик поуже. Это и был внешний периметр. Временный. А все что между ними называлось, как мне стало известно позднее, Расчисткой.

После долгого оформления соответствующих документов на пропускном пункте у внешнего Периметра уже другие конвоиры – вооруженные устрашающего размера шипастыми дубинками гномы – привели меня на площадку между бараками. Там как раз собирались на вечернюю поверку обитатели лагеря. Вытолкнув на середину плаца, поставили на колени лицом к немногочисленному «президиуму», и высокий немецкий офицер не в серой, как привычные уже мне штурмовики, а в черной форме сообщил сквозь зубы, что в его лагере кто не работает, тот долго не живет. Притащивший меня гном с дубинкой коряво перевел на русский. После чего, несмотря на разницу в росте, поднял за шкирку и, повернув лицом к стоявшей

---

¹ Arbeit macht frei – «Работа делает свободным». Лозунг, берущий начало в названии романа немецкого писателя-националиста, в насмешку размещенный на воротах многих концлагерей (нем.).

неровным строем толпе, громко осведомился на столь же корявом немецком, какой из бригад не хватает работника.

Тут я впервые пригляделся к своим будущим собратям по несчастью и слегка обалдел. Раньше думал, что большую часть рабочей силы в нацистских лагерях составляют пленные из русской общины, однако представшие перед моими глазами истощенные создания явно к ним не относились. Косматые, полностью заросшие люди в основном со смуглой кожей и минимумом одежды производили неприятное впечатление. Я понял, что основное количество заключенных в лагере взято из пойманных штурмовиками представителей многочисленных общин лесных варваров. Эти люди – потомки разнообразных групп, попадавших в прошлом сюда тем же образом, что и все остальные, но почти полностью одичавших. Они не совсем потеряли человеческий облик и даже сохранили какое-то языковое общение, но полностью утратили культуру и умение производить орудия труда, деградировав до уровня примитивных дикарей. Внешний вид их также колебался в широких пределах. Я много слышал о варварах от союзников, в том числе и жуткие вещи вроде пристрастия тех к каннибализму, однако видел вблизи впервые. Не хотелось бы провести свои, вполне вероятно, последние дни в таком обществе!

Но Создатель или кто там еще, присматривавший за этим мирком, сжалился. От многоликой толпы отделился здоровый светловолосый детина явно не «варварского» вида и, шагнув вперед, поднял руку:

– Нашей группе не хватает!

Гном переглянулся со своим собратом, стоявшим недалеко от вышедшего из неровного строя парня. Второй гном кивнул, и кончик дубины подтолкнул меня в том направлении в сопровождении ценного совета:

– Поидьешь в бригаду Мергза! Его сльюшайся!

Я, шатаясь – последствия ранения, несмотря на неплохое лечение, все еще давали о себе знать, – побрел в указанном направлении. На полпути меня встретил все тот же золотоволосый, насколько позволяла судить короткая, в отличие от «варварских», стрижка, детина и помог добраться до места в строю.

– Я Везунчик, – успел представиться он по дороге. – У нас единственная русская группа в бригаде, так что держись нас. А сейчас тихо, остальное в бараке перетрем!

К счастью, проверка продолжалась недолго, иначе я бы не выдержал. Кое-как, подгоняемые гномами-надсмотрщиками, добрались до барака. Вернее, до заменявшего его, слепленного явно на скорую руку навеса, поставленного на столбы из неструганных стволов, с промежутками в руку между ними. Пролететь там было невозможно, что, очевидно, и являлось основной задачей «стен», так как от ветра и холода те защитить точно были не в состоянии.

Ни коек, ни даже банальных нар там и близко, разумеется, не наблюдалось. Грунтовый пол барака был разделен толстыми неровными ветками, лежавшими просто на земле, на примерно одинаковые прямоугольные ячейки, оставлявшие посередине сооружения узкий проход. Пол в каждом прямоугольнике, рассчитанном на пять-шесть человек максимум, иначе пришлось бы спать стоя, покрывал слой жухлой травы вперемешку с листвой, заменявший, видимо, и матрас, и постельное белье. Многообещающие условия, нечего сказать!

Мне быстренько освободили место в ячейке, принадлежавшей обещанной русской группе. Собственно, освобождать особо было нечего, так как личных вещей, кроме одежды и котелка, лагерникам не полагалось. Поэтому четверо «жителей» прямоугольника просто немного потеснились. С моим прибытием тут становилось несколько тесновато, но лежать еще вполне можно было свободно. И на том спасибо!

В последних лучах заходящего солнца, пробивающихся в промежутки между бревнами, давешний гном-бригадир, многозначительно помахивая дубиной, прошелся вдоль рядов устало растянувшихся эков, пнул кого-то, замешкавшегося с принятием горизонтального

положения, после чего, не говоря ни слова, покинул помещение через единственную дверь, которая тут же с грохотом захлопнулась. Отбой.

Хотя разговаривать после отбоя и запрещалось, но, поставив кого-нибудь на «шухер» – наблюдать в щели за перемещениями охранников, – можно было немного пообщаться шепотом. Познакомились. Везунчик, так вовремя проявивший инициативу на построении, оказался тоже довольно «свеженьким» военнопленным по имени Андрей Вольнов. Три месяца назад он, двадцатитрехлетний сержант русской разведроты, получил контузию в бою. Очнулся, как и я, уже в плену.

– А почему «Везунчик»? – тихо поинтересовался я.

– Потому что везет ему невероятно! Все время вляпывается в дерьмо, но каким-то чудом выбирается! – ответил вместо Андрея хмурый смугловатый мужик, явно постарше возрастом. Представился сам: Игорь Хмелецкий, тридцать два года, кликуха – Крепыш. Происхождение клички вопросов не вызывало, достаточно было взглянуть на его широченные плечи. При примерно одинаковом росте – заметно шире, чем у меня. Крепыш оказался старожилом – два года в плену, что внушало некоторые надежды относительно возможностей выживания в этом аду.

Однако оставшиеся два товарища, как оказалось, тянули лямку еще дольше! Один три, а второй – целых четыре года! Но как они сподобились столько протянуть в крайне недружелюбных по отношению к человеческому организму условиях?

– А ты их клички узнай! Сразу все и поймешь! – ухмыльнулся, обнажив не очень-то здоровые зубы, Везунчик.

– Я Вонюша, – весело сообщил невысокий курносый парень со следами ожогов на руках, сидевший на стреме у щелей в стене. – А четыре года назад звали Иваном Черновым.

– Ванюша? – переспросил я.

– Нет, именно Вонюша! – засмеялся Везунчик, слишком громко и внимательно зыркавший по сторонам Крепыш тут же на него зашикал. Но верзила продолжил лишь немногим тише: – У нашего товарища такой способ избегать наказаний. Как только Мерзавр или другой гном подбирается со своей дубинкой, у Вонюши от страха активно начинают выделяться настолько вонючие газы, что все окружающие разбегаются на расстояние километра, чтобы не погибнуть! И надсмотрщики сразу забывают, что хотели его наказать. Так что не испугай его невзначай, задохнешься!

– Да не от страха! Сколько можно говорить! – обиженным тоном возразил обладатель столь полезного для выживания таланта. Махнул рукой на скалящегося Везунчика и повернулся ко мне: – Я год отрабатывал этот способ специальными упражнениями!

Тут уже фыркнули все четверо, в том числе и сам Вонюша. Заметно было, что это одна из любимых тем для обсуждения в компании.

– Ну а это Николай Громов, – указал Везунчик, как самый активный, видимо, в группе, на последнего, не представленного еще мне члена этого маленького коллектива – шуплого белобрысого мужичка, явно самого старшего из всех. – По кличке Ощутилл». От слова «ощущать». У него это очень хорошо получается, особенно когда речь идет о неприятностях, угрожающих его собственной заднице!

Мужичок угрюмо кивнул, никак не прокомментировав характеристику, данную ему товарищем по несчастью. А тот, наконец, добрался и до меня:

– Ну а теперь давай рассказывай о себе!

Я на секунду заколебался – не назваться ли настоящим именем, вроде ж все свои... Но одумался: мало ли, вдруг среди новых товарищей стукачок-с затесался, а то и парочка? Вряд ли лагерное начальство не использует подобных классических методов. Поэтому выдал все ту же легенду, навязанную волею случая. Ребята, услышав, что я с того самого дирижабля, пришли в возбуждение и засыпали меня вопросами. Уже окончательно стемнело, и варвары в соседних ячейках стали недовольно ворчать, когда они наконец уgomонились.

– Ну раз ты кочегар, то будешь Кочегаром! – постановил напоследок Везунчик. – У нас принято обращаться по кликухам, так что привыкай!

А утром разверзлись врата ада... Подъем посредством грубых пинков ворвавшихся в барак еще до рассвета надсмотрщиков, пять минут на opravку в выкопанном сразу за баракком неглубоком ровике, выполняющем роль сортира. Потом утренняя поверка на плацу между бараками, сопровождаемая дрожью от угрожающих криков бригадиров и пронизывающей прохлады, подкрадывающейся из предрассветного леса. И тут же очередь на выдачу завтрака, состоявшего из нескольких глотков теплой воды с мерзким привкусом, называемой чаем, и маленького черствого сухарика. «Чай», как и похлебку за обедом, наливали в выданную мне накануне прямоугольную металлическую флягу с откидывающейся крышкой, которую, как и деревянную ложку, каждый заключенный все время таскал с собой.

На завтрак выделялось десять минут, после чего бригадиры гнали подчиненные им бригады на отведенные для работы участки. У каждой имелась собственная специализация. Часть отряда занималась валкой деревьев. Вернее, окончательным ее этапом, так как попадались стволы диаметром до двенадцати метров, спилить которые вручную, особенно используя выдаваемый хиленький инструмент, заняло бы невообразимую прорву времени. Поэтому основная часть работы выполнялась паровым трактором чудовищного размера. Увидев впервые это воплощение самых смелых фантазий поклонников стим-панка, я замер с разинутым ртом и так и стоял, пока не получил болезненный тычок дубинкой в спину от Мерзавра. Машина опиралась на восемь в чем-то даже изящных, похожих на велосипедные, но со спицами толщиной в руку колес высотой в два моих роста. У каждого имелся отдельный привод от массивного парового котла паровозного типа. Без сомнений, с паровоза его и позаимствовали, вместе с традиционным орлом, держащим в руках нацистскую свастику, выбитым на лобовой крышке котла. В высокой, усеянной заклепками закрытой кабине, возвышавшейся над котлом, располагались немцы-машинисты, а в задней пристройке – гномы-кочегары. Перемещалось это чудище, усиленно пыхтя густым дымом, со скоростью бредущего домой после знатной попойки пьяницы, однако и ехать ему надо было всего-то несколько десятков метров до следующего дерева. Зато, утвердившись на месте, оно перенаправляло через специальный привод всю мощь своего парового двигателя на установленную в передней части гигантскую пилу. Прорезая за полтора-два часа работы с многочисленными перерывами на охлаждение и заточку режущей кромки инструмента три четверти диаметра ствола, оно покидало недобитую жертву и направлялось к следующей. А окончательно валила дерево специальная бригада, подпиливая оставшуюся часть вручную. Частенько, по свидетельству старожилов Расчистки, падение сто-стопятиметровых лесных гигантов сопровождалось жертвами среди лагерников. Еще бы!

Наша же бригада специализировалась на последующей очистке стволов от веток, лиан и прочих излишеств. Естественно, вручную, с помощью ножинок и топориков, а также веревок, чтобы вскарабкаться на внушительные стволы. Каждая группа из четырех-шести человек получала свой участок. А бригадир Мерзавр сновал между группами, подгоняя отстающих от запланированных темпов посредством стимуляции нервных узлов организма шипастой дубинкой. Иногда он проводил данную процедуру и над нормально работающими в профилактических целях.

Почему заключенные терпели такое отношение к себе со стороны бригадиров? Ведь те тоже являлись в какой-то степени невольниками. Есть же предел всему! В таких условиях даже смерть не должна слишком пугать!

Однако увиденная вскоре наглядная демонстрация расставила все по местам. На соседнем участке один из варваров, тоже, видимо, новичок, в подобной ситуации не сдержался и попытался ударить бригадира в ответ. Его тут же скрутили подбежавшие гномы, но, к моему удивлению, почти не били, а поволокли в сторону барачков. А потом мы пошли получать обед.

Перед его выдачей нас собрали на плацу. На середину вывели брыкающегося нарушителя порядка. На шее у того красовалась табличка с надписью: «Он напал на бригадира!»

Голого уже варвара повалили на землю. Несколько гномов растянули его конечности в стороны, а остальные принялись неторопливо крушить дубинами суставы несчастного. Раздался крик такой силы, что перекрыл собой даже сытое пыхтение трудившегося неподалеку парового трактора. Закончив с суставами, надсмотрщики перешли к половым органам и ребрам. Они не спешили, часто делая перерывы, во время которых наказуемого поливали холодной водой, чтобы не терял сознание. Присутствовавшие чуть в отдалении немецкие офицеры из числа лагерного начальства делали вид, что не замечают ужасной казни. Немцы вообще не сильно вмешивались во внутрилагерные дела, доверив поддержание порядка гномам-надсмотрщикам и ограничиваясь в основном постановкой задач и внешней охраной: на окружавших лагерь вышках торчали бойцы Караульных войск, вооруженные карабинами.

Нас уже отпустили обедать, а с плаца все еще доносились ничуть не ослабевающие крики, превратившиеся в совершенно безумный визг. Ну а на вечерней поверке уже можно было полюбоваться на насаженную на частокол размозженную дубинами голову преступника, украшенную все той же табличкой. Да, зрелище данной процедуры напрочь отбивало желание набить морду бригадиру!

Я потихоньку втягивался в жизнь заключенного, тем более что соответствующий опыт, хотя, конечно, не настолько жуткий, имелся. Сначала еще было физически трудно – последствия ранения сказывались, но мои новые друзья старались по возможности облегчить мне жизнь. А вскоре я окреп и стал задумываться о своих дальнейших действиях. Неужели я окончу свои дни рабом в нацистском лагере, не попытавшись бежать? Но как? Я же толком пока ничего не знаю о том, что находится за забором. Да и по эту его сторону, в общем, тоже. Спешить тут не надо, тем более что с пойманными беглецами, по рассказам товарищей, расправлялись тем же способом, что и с давешним варваром.

Однако спешить пришлось. Все началось с того самого обеда...

Глава 3

Итак, этот обед мало чем отличался от привычных ежедневных трапез. Хотя, конечно, все же отличался. Но основное различие, запланированное заранее, должно проявиться в конце обеда. А пока мы дружно работали челюстями. Я, еще не свыкшийся до конца с мерзопакостным вкусом похлебки, вылакал свою флягу до ее поцарапанного ложками предыдущих владельцев днища быстрее всех, чтобы поскорее избавиться от необходимости дегустировать эту гадость. И теперь, наслаждаясь в некоторой степени мимолетным, увы, чувством сытости, ненадолго посещавшим каждого каторжника после употребления жирной похлебки, рассматривал более размеренно принимавших пищу товарищей, которых уже неплохо изучил за последние три недели.

Странно, но все они, родившиеся и выросшие уже на чужой планетке, вполне укладывались в привычные мне психотипы. Человеческая натура консервативна и не смогла кардинально измениться за пару поколений. Вот работающие челюстями с той стороны толстого ствола варвары отличаются уже гораздо сильнее. Но даже они не воспринимаются как какие-то инопланетные существа, в отличие от гномов, да и моих бывших приятелей «эльфов» с «ангелами» тоже. Ну а нашу маленькую компанию я вообще мог мысленно представить сидящей на рыбалке в привычном земном лесу, не испытывая при этом ни малейшего психологического диссонанса.

Вот по-крестьянски загребает ложкой, крепко зажав ее всей ладонью, Коля Ощутилло. Он и вправду земледелец – до сих пор заметны мозоли на руках. Пусть и самый старший среди моих «сокамерников» – ему всего тридцать три, однако выглядит даже старше меня с моими тридцатью восемью. Нелегкая, видать, доля ему выпала. Три года назад на поле, где он вместе с товарищами пытался защитить урожай пшеницы от вредителей, внезапно выкатилось из леса штурмовое подразделение Патрульной Службы. Защитить самих земледельцев оказалось некому. Впрочем, они пытались сопротивляться, используя сельскохозяйственный инвентарь. С предсказуемым успехом. Штурмовики оказались злыми после не очень удачного, видимо, рейда и просто положили всех, даже не думая брать в плен. Коле повезло – оправдывая свое будущее прозвище, он успел спрятаться на краю поля и сигануть в чашу. Гнаться за ним никто не стал. Однако тот от страха забежал так далеко, что заблудился. Плутая около недели в поисках выхода к ближайшему поселению, бывший крестьянин попал из огня да в полымя – наткнулся прямо на колонну варваров, которых подразделение Конвойных войск гнало в Метрополию. Заросшего до неузнаваемости, в остатках драной одежды Николая приняли за беглого варвара и, не разбираясь, присоединили к остальным.

Рядом пристроился на корточках вечно хмурый Крепыш. Он тоже из «простых», деревенских. Родился и вырос в поселке с «говорящим» названием Крокодиловка. Поэтому не земледелец, а охотник. Но в юности отслужил положенное и даже чуть больше в войсках Коммуны, демобилизовался сержантом. В своем небольшом поселении дополнительно исполнял обязанности заместителя командира местных сил самообороны. Крокодиловку спалили враги, а Крепыш, раненный в бою, попал в плен вместе с несколькими десятками выживших во время рейда немецких штурмовиков жителей поселения.

А вот два других невольных члена нашей компании – горожане. Города тут, конечно, те еще, однако разница в привычках все равно сразу видна. Вонюша, уроженец разрушенного до основания бомбардировками с дирижаблями городка Сталинска (ну не везет городам имени усатого вождя что в том мире, что в этом), несмотря на простецкое круглое лицо, усыпанное веснушками, был неплохо образован и в хорошем настроении любил сыпать цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Тут их до сих пор в школах изучают – других книг в помещениях

бывшей зоны во время Переноса не оказалось. Интересно, четвертое поколение родившихся здесь вообще понимает, о чем там речь идет?

Ну а неформальный лидер нашей компании, Везунчик, и вообще являлся настоящей «столичной штучкой», родившись в самом Ленинске. Закончил самую престижную школу Коммуны, за несколько лет службы дослужился до лейтенанта, командира взвода разведки. И уже успешно сдал вступительные экзамены в единственный на планетке Университет (если не считать за таковой немецкую Академию, также занимавшуюся и обучением), однако приступить к занятиям не успел: в последнем своем боевом рейде попал в плен.

Пока я рассматривал товарищей, те тоже закончили трапезу. На лицах «ветеранов» лагерной жизни, уже давно позабывших вкус настоящей пищи, не отражалось ни малейших чувств, в то время как Везунчик недовольно морщился. Однако времени размусоливать послеобеденный отдых особо не оставалось – было еще одно дело, которое следовало успеть сделать. Приятное, в отличие от большинства других, дело...

– Принес? – первым поинтересовался, ковыряясь в зубах острым кончиком веточки, Вонюша.

– А то! – Везунчик извлек из под изодранных остатков зеленой форменной курточки запасную флягу, заполучить которую стоило немалых трудов.

Остальные, в том числе и я, достали по дикому лесному огурцу, заранее найденному во время работы и припрятанному в одежде. Толку от него как от пищи практически никакого, однако надо же чем-нибудь закусывать? Тем более что у огурца имелся солоноватый привкус.

– Ну что, мужики, будем? – Везунчик в предвкушении удовольствия прикрыл свои пронзительные голубые глаза и отхлебнул из фляги. Втянул воздух и, мотнув головой, быстренько откусил от огурца.

– Крепкая на этот раз у них вышла, зараза! – сдавленным голосом прокомментировал он, пуская сосуд с драгоценной жидкостью по кругу.

Секрет появления этого крепкого напитка, явно не предусмотренного лагерным рационом и называемого моими товарищами «гномьей настойкой», объяснялся просто. Гномы изготавливали его полуподпольно на кухне (немецкая администрация наверняка знала, но закрывала глаза на мелкие «шалости» надсмотрщиков). Однако для получения высокой крепости в процессе изготовления требовался сладкий сок одной достаточно редко встречающейся лианы. Бригады и сами его пытались собирать, но не имели достаточно свободного времени на это. А то варвары, составлявшие основную массу заключенных в лагере, им нарабotaют, без регулярной палочной стимуляции, ага... Зато нам в процессе обрубания веток данная лиана иногда встречалась. Так, после утрясения некоторых непоняток, и возник странный симбиоз заключенных и надсмотрщиков. Мы потихоньку наполняли соком флягу и два-три раза в неделю сдавали продукт «на базу». Взамен получали четверть сосуда готового напитка и некоторые, практически незаметные послабления от Мерзавра. Зато результаты данной «сделки» заметно помогали скрашивать здешнее унылое существование.

Выпили каждый только по глотку. Остальное – вечером, после отбоя. Сейчас же еще возвращаться на работу! С минуту сидели молча, наслаждаясь распространившимся по организму расслабоном. Еще немного – и вновь в лес, навстречу доставшим уже «трудовым подвигам». Но пока можно отдохнуть...

– Чего-то гномы на кухне сегодня какие-то унылые! – вдруг озабоченно сообщил Везунчик, ломая весь кайф. – Сказали по секрету, что нас всех скоро, после окончания расчистки участка, переведут в шахту внутри Периметра – какой-то там асбест для строек добывать!

– Асбест? – нехорошо оживился уже несколько лет слоняющийся по трудовым лагерям Метрополии и знающий о них все Вонюша. – Чтоб тебя лесные демоны побрали с такими новостями!

– А что? Это так плохо? – не понял тот.

– Нет, дорогой Везунчик, все просто прекрасно! – с горькой язвительностью чуть не заорал было «старожил». – Кроме того, что более полугодом в таких шахтах не живут! Видал я людишек оттуда, их в крематорий везли еще живых, бессильно валяющихся кучкой на грузовых платформах и харкающих кровью!

– Да, я тоже кое-что об этом слышал. Жуткое место! – подтвердил Крепыш, ожесточенно скребя щетину на подбородке. Небольшой шрам над его правым глазом немного подергивался, выдавая нешуточное волнение, охватившее обычно флегматичного товарища. Кажется, действительно дело плохо!

– А я вот чувствовал, что не к добру это было, когда меня в ваш лагерь перевели! – Ощутило выступил с характерным заявлением, вполне соответствующим его кличке.

– Он такой же наш, как и твой! – думая о чем-то другом, возразил Вонюша. – Меня сюда за два дня до тебя привезли, между прочим.

Да, про это я уже знаю. Раньше на этом участке Расчистки содержались только варвары. Но рабочих рук не хватало, и месяц с небольшим назад сюда из других лагерей перевели десятков заключенных, в том числе и моих товарищей. Причем из разных лагерей – ранее они друг друга не встречали. А еще через две недели тут появился я. Так что все мы были здесь в какой-то мере новичками. Зато собрались люди с разнообразным и богатым опытом. Вот, про опасность асбестовой пыли знают. Правда, в том руднике наверняка еще всякой гадости намешано – от одного асбеста за полгода не умирают. Но перспектива что-то больно нерадостная обозначается. Не хочу в шахту!

– Бежать надо! – сам от себя не ожидая такой смелости, вдруг сказал я. – Лучше сдохнуть в джунглях, чем провести последние месяцы жизни в мрачной пыльной шахте!

– А еще лучше вообще не дышать! – проворчал Вонюша. – Ты до джунглей еще доберись сначала! Если караульные на башнях не подстрелят, когда будешь через забор карабкаться, то гномы дубинами забьют, если поймают. Сам же видел! А если вдруг повезет и не поймают – то в лесу всегда найдется кому тебя сожрать! Ты от ящеров своей ржавой пилой отбиваться будешь?

– Ты вообще в лесу когда-нибудь бывал, Кочегар? Кроме своих паровых машин что-нибудь видел? – неожиданно резко поддержал предыдущего оратора бывший лейтенант, командир рейдерного взвода разведки Везунчик. – Думаешь, почему мы все тут тупо пашем и не дергаемся? Куда ты в лесу пойдешь? Тут до наших километров четыреста как минимум. Без оружия, снаряжения и карт стопроцентное самоубийство. Уж я-то в свое время по джунглям достаточно побегал, знаю, о чем говорю!

– Да и действительно, перелезть через внешний Периметр – тоже не тривиальная задача! Он, конечно, пониже внутреннего, но колючая проволока на его вершине от этого не становится менее колючей! – подхватил опять Вонюша.

– Насчет перелезть пока не знаю, вам тут видней. А вот куда идти – есть один вариант! – сообщил я после секундного колебания, понизив голос, хотя никто не должен был нас тут слышать.

– И куда же?

– Перед нашим налетом командование хотело получить разведанные относительно охраны Периметра. Поэтому наши еврейские союзники организовали опорный пункт своей воздушной разведки в трех десятках километров от границ Метрополии, в характерной излучине крупной реки. Оттуда регулярно прилетали с донесениями их разведчицы на гигантских попугаях. Думаю, пост и сейчас действует. Могу по памяти нарисовать карту. Примерно, конечно.

– А вот это уже кое-что! С «попугайскими» разведчицами общаться приходилось, ого-го какие девки! – заинтересовался Везунчик. – Хотя без оружия – все равно авантюра! Да и не нарисуешь ты карту точно! Где ты ее вообще видел-то, Кочегар, а?

– Точно! – встрял подозревающий любой чих Ощутилло. – С каких пор карты показывают обслуживающему персоналу?

Вот пристали-то! Всю правду открывать не хотелось, хотя за последние пару минут мы уже и наговорили достаточно, чтобы наши головы красовались на частокоче. Но все же...

– А вам часто случалось бывать на борту патрульного дирижабля? – поинтересовался я у скептиков. – Кабина штурмана и рубка открыты, и карта висит там на стене. Более того, там же проводится и инструктаж для членов экипажа...

Кажется, поверили. Впрочем, откуда им знать, дирижабли-то они видели исключительно снаружи. Однако к практическому приближению побега это не имело ни малейшего отношения.

– Не собираюсь я через забор лезть! – проворчал Ощутилло, ни на кого не глядя. – Лучше уж через полгода в шахте окочуриться, чем завтра на колючей проволоке повиснуть!

– Да, и хоть какое-то оружие добыть надо обязательно. Еще веревки, съестные припасы на первое время. Шансов не очень-то! – Вонюша тоже добавил негатива.

Помолчали. Вот-вот уже надо возвращаться к работе. Придется, видимо, отложить принятие решения. Пока не найдутся ответы на эти самые вопросы. Тянуть особо не стоит – судя по темпам работ, до окончания расчистки участка осталось не более месяца. А то и еще меньше. Надо будет как-то преодолеть неверие ребят в успех. Потому что здесь – самое удобное место для побега. Лес – вот он, в паре сот метров. Да, за забором, обмотанным колючкой, но рядом. А когда загонят в шахту, да еще внутри Периметра – пиши пропало! Твердо решил: если не удастся уговорить товарищей – побегу один!

– Ладно, Везунчик, – вступил вдруг в дискуссию молчавший до того Крепыш. – Пора рассказать.

– Думаешь? – Везунчик заметил наши недоуменные взгляды и ухмыльнулся: – А не сдуют?

– Уже без разницы. Давай, рассказывай!

– Хорошо, только по-быстрому, времени нет, вон Мерзавр уже на кого-то орет. Короче, недели две назад мы с Крепышом пошли относить на кухню очередную флягу. Вдруг видим – повар сам навстречу крадется, нас не замечает. Хотел уже было его окликнуть, да Крепыш придержал. Смотрим: гном – р-раз! – и в ихнюю баню забежал. Думаем – с чего бы это, до помывки еще пару дней, в бане пусто? Подождали несколько минут – не выходит. А дверь-то приоткрытая осталась! Ну мы туда и юркнули... А там крышка погреба открытая. Еще, помню, спросил у Крепыша: зачем в бане погреб?

– А гном-то где оказался? – перебил рассказчика Вонюша. – В погребе?

– А погреба-то и не было! – торжествуя заявил Везунчик. – Вместо погреба – пещера там! Длиннющая. Мы, конечно, туда сразу не сунулись, не дураки. Подождали, пока гном вернется. Помните, мы еще тогда обед пропустили? Ну вот, дождались, пока повар вылез с какой-то корзиночкой в руках, крышку закрыл и ушел. Мы и пошли на разведку, прихватив один из запасенных в бане факелов. Там же тьма тьмушая, в пещере... Думали, у гномов там склад всякой жратвы. Ага, как бы не так! Пещера тянется метров пятьсот и соединяется с еще более крупной. А там – база. Барак какой-то, несколько караульных с карабинами и гномы в глине у ручья копаются, добывают ее, что ли. Солидно все, электричеством освещено. И самое главное – пещера дальше уходит, на восток, если мы с Крепышом не напутали. Подземный ручей оттуда стекает, сквознячком немного потягивает, значит, должен быть выход. Можно рискнуть, всяко безопаснее по пещере чапать, чем по джунглям. И заодно оружие у караульных захватить. Они же там спят на посту – чего под землей опасаться?

– Вот оно как, значит! – задумчиво почесал затылок Вонюша. – Тут есть что обсудить! Потом. А сейчас пора – Мерзавр нас уже ищет!

Глава 4

За обсуждением столь ошеломляющих новостей мы все же слишком засиделись в убежище. Мерзавр уже рвал и метал, отправив на участок все группы варваров и недосчитавшись нас. Крепыш, как шедший последним, даже огреб тычок дубинкой в спину. Не сильный – гном-то догадывался о причинах задержки. Сам вечером будет настойку из добытого нами сока потреблять, но вид же сделать надо. Для удержания авторитета бригадира на подобающем ему уровне. Хотя, если бы Мерзавр узнал, что именно мы за чаркой обсуждали, бил бы в полную силу!

Бегом добрались до сарайчика, где под охраной немцев-караульных с огнестрелом в руках хранились орудия нашего тяжелого труда. Инструменты сдавались на склад каждый раз, как мы по какой-либо причине покидали участок и брались обратно под подпись. За утерю – голову на частокол. Конечно, никакую «подпись» мы не ставили, просто дородная немка-кладовщица старательно записывала номер, обозначенный на нашитом на одежду каждого заключенного лоскутке ткани.

Кстати, одежда тут была у каждого своя, в которой тот попал в неволю. Видимо, немцы не находили нужным тратить мощности своей текстильной промышленности на одеяния заключенных. Нет, совсем оставить нас без одежды немецкий ордунг не позволял, поэтому раз в год каждому был положен кусок ткани размером примерно метра полтора на метр и сандалии на веревочках с деревянной подошвой. И крутись как хочешь. Вот почему варвары даже в плену выглядели соответственно своему названию – собственная одежда у них была из кое-как скрепленных кусочков шкур и быстро приходила в негодность. Положенный же мне кусок ткани благополучно зажал Мерзавр, посчитав, что обойдусь одеждой, в которой прибыл. Она действительно по местным меркам была весьма неплоха, а уж ботинки-то и вообще... Без них я, привычный к цивилизации, тут давно бы погиб.

Получив «родную» ручную пилу, направился к только утром сваленному нашим паровым чудовищем стволу гигантского дуба. Трактор, деловито посвистывая стравливаемым паром, сейчас трудился над соседним, оглашая лес мерзким скрипом своего инструмента. По высоте звука я уже мог определить, что режущая часть паровой пилы нуждается в очередной заточке. Научился различать за эти недели вынужденного «сотрудничества», о чем сообщает голос чудовищного механизма.

Рядом со мной несколько нервно вышагивал Везунчик, взволнованный тревожными новостями. Мы с ним работали в паре – он маленьким топориком (большие нам предусмотрительно не выдавали) рубил мелкие ветки и подрубал крупные, которые я допиливал ржавой ножовкой с поломанными через один зубьями. Инструмент был не личный, выдавался случайным образом, поэтому раз на раз не приходился – как повезет. Иногда попадался вполне рабочий, а иногда, как вот сегодня, совсем никакой. Однако нормы выработки от этого не меняются. Придется поднажать.

Попасть на рабочее место тоже задача не из простых. Так как оно расположено на десятиметровой высоте. И забраться туда по круглому стволу нереально. Приходится делать петлю из выданной веревки и бросать ее вверх в надежде зацепиться за одну из веток.

Сейчас задача была проще ввиду наличия на стволе удобных обрубков от срезанных нами с утра веток. Поэтому забрались наверх быстро и принялись за работу. Привязав один конец веревки в самой верхней точке, а второй обмотав вокруг собственного пояса, застраховавшись тем самым от случайного падения с десятиметровой высоты, чреватого большими неприятностями даже при втрое меньшей силе тяжести, принялись снова по поверхности ствола, цепляясь за ветки. Удобнее получалось работать сверху вниз, срезая ветки на выделенном участке ствола все ниже и ниже, пока не доберемся до земли. В чем преимущество работы именно

в бригаде очистки – подобная «гимнастика» хорошо нагружала все группы мышц, позволяя держать себя в форме.

Но как же накопить необходимые для побега припасы и инструменты? Да еще незаметно пробраться вместе с этим всем в расположенную возле бараков баню? Сложный вопрос! Каждый из нашей компании напряженно обдумывал его, делаясь пришедшими в голову мыслями с остальными во время коротких встреч на стволе очередного очищаемого дерева либо в бараке после отбоя, рискуя быть подслушанным. Кое-какие продукты, скажем, можно попробовать запасти. Во время расчистки встречались изредка различные съедобные плоды. Или собираемый сок можно обменять не на настойку, а на сухари из качественной муки, подаваемые к столу привилегированной части лагерных сидельцев. Так ребята уже делали, чтобы поддержать мои силы в первую неделю пребывания здесь, пока я не привык к вонючей похлебке. Но оружие? Пока вызрел окончательный план, утекла почти неделя драгоценного времени...

На завершение подготовки ушла пара дней. После чего еще некоторое время ожидали подходящего момента. И он наконец настал. Сомнений в необходимости побега к этому моменту не оставалось даже у вечно колеблющегося Ощутилло, слишком уж много назревало признаков скорых изменений в жизни заключенных лагеря. Роковых изменений. Так что действовали слаженно. Каждый знал свой маневр.

Главным условием для начала выполнения плана являлся паровой трактор, вернее, его расположение. Дело в том, что трактористы, состоявшие из операторов-немцев и гномов-кочегаров, обедали раньше нас, так как и продолжительность рабочего дня у них была существенно меньше: нормальные восемь часов против наших двенадцати. Уходя на перерыв, они оставляли трактор без охраны – варвары и так боялись грозного механизма как огня и обходили его десятой дорогой. В общем, оставляли спокойно, причем на пару, не гася котел, чтобы после обеда не тратить время на его раскочегаривание. Для этого бросали в топку вместо быстро прогорающих прессованных брикетов обычные сыроватые поленья. Как раз хватало на время обеда поддерживать медленный огонь.

Безопасность при этом обеспечивали два аварийных клапана, сбрасывавших излишнее давление, а также прикрытые почти до минимума вентиляционные заслонки в котле. Ну и манометр на рабочем месте машиниста был оборудован громким гудком, срабатывавшим при достижении стрелкой прибора красной черты. Так что трактористы спокойно шли обедать, подстраховавшись сразу несколькими способами. Но кое-что они не учли. Вернее, кое-кого...

Единственным человеком в лагере, понимавшим устройство всей этой машинерии, за исключением самих трактористов, являлся я. Поэтому, в течение последних дней присмотревшись к работе машинистов, я предложил использовать трактор для отвлечения внимания надсмотрщиков и охраны во время побега. Для этого требовалось только, чтобы его оставили недалеко от нас и кабиной в сторону поваленного ствола. Чтобы не было видно, как я туда проникну.

Так как темп работы трактора известен заранее и постоянен, легко можно было спрогнозировать его положение к следующему полдню. Именно полдню – идею бежать ночью мы сразу отвергли как совершенно бесперспективную: выйти незаметно из барака можно и не мечтать. Поэтому в день накануне побега мы уже почти наверняка знали, что подходящий момент наступит завтра. И, конечно, сильно волновались. Я, например, очень долго не мог уснуть, хотя обычно, уставая за день как собака, отрубался сразу же после отбоя. А тут ворочался и ворочался, все время вспоминались многократно виденные сцены расправы с непокорными заключенными. Нет, если не выгорит, сдаваться живым нельзя ни в коем случае!

Зато благодаря бессоннице не лишился своей драгоценной обуви. Так как именно сегодня, на свою голову, один из соседей-варваров решил украсть мои ботинки. Наверное, надеялся сменить в другой бригаде на что-либо ценное. Вряд ли бы осмелился сам надеть –

нашей группы тут побаивались. Так или иначе, но, мучаясь видениями ужасных наказаний, вдруг почувствовал, как снятые с ноги, но подложенные по старой эковской привычке под ступни ботинки начали медленно выползать оттуда. С пару секунд я, увлеченный тревожными мыслями, пытался понять свободным краем сознания причину такого странного поведения обуви, а когда дошло – резко приподнялся с утрамбованной травы, заменявшей матрас. И чуть не столкнулся лбом с испуганно взирающим на меня в полутьме барака соседом.

Немая сцена длилась недолго. Разобравшись в обстановке, я тут же засветил наглему с правой в заросшую скулу. Впрочем, далеко не со всей силы, чтобы не нашуметь. А то в барак ворвутся злые со сна бригадиры и мало не покажется никому. Несостоявшийся вор отлетел в свою ячейку и, мягко приземлившись на травяную подстилку, еле слышно заскулил. Тоже, видимо, не горел желанием отведать на сон грядущий бригадирской дубинки. Сочтя инцидент исчерпанным, я плюхнулся обратно на «постель» и сразу же, к своему удивлению, заснул.

Утро началось как обычно. Чуть согревшись теплым «чаем», двинулись на участок. Получили инструмент и принялись за работу. Все как всегда. За исключением понапиханных в карманы выменянных у гномов сухарей и невыпитой вчера, против обыкновения, настойки в «секретной» фляге у Везунчика. Для нее планировалось несколько иное применение.

Ближе к полудню трактор, как и рассчитывали, принялся за пятиметровый в обхвате кедр, совсем рядом – три десятка шагов от поваленного дуба, на котором мы трудились. Обеденное время близилось, и напряжение росло. Мы обменивались нервными взглядами, не забывая активно пилить ветки, чтобы не привлечь ненужного внимания бригадира. Как назло, не успел я об этом подумать, как тот тут же и явился! Медленно обзрев каждого из нас с ног до головы подозревающим (впрочем, как и всегда) взглядом, Мерзавр стукнул дубиной по стволу и, обзвав медлительными свиньями, приказал закончить все дела на участке за десять минут и двигать к следующему стволу. А он, сволочь, метрах в ста отсюда! До трактора незаметно будет не добраться. Вот урод наш бригадир! Полностью соответствует своей кличке...

В ответ на осторожное замечание о невозможности завершения всей работы за столь короткое время и просьбу продлить срок до обеда Крепыш опять несильно схлопотал дубиной по спине. После чего Мерзавр, брызгая слюнями, повторил приказ и укатился в направлении следующего участка, пообещав вскоре вернуться и проверить исполнение.

Как же быть? Мы затравленно переглянулись. Потом Крепыш, потирая ушибленную спину, заверил, что сумеет отвлечь ненадолго внимание бригадира. Ждать развязки оставалось уже совсем недолго.

Мы в темпе пилили ветки, затравленно поглядывая в том направлении, куда удалился злобный гном. Вот невезуха-то! До обеда у трактористов оставалось менее получаса. Еще чуть-чуть и... Если бы не Мерзавр со своим дурацким требованием. На самом деле, если поднажать, то действительно можно закончить пусть не за десять, но за двадцать минут точно. Гном это наверняка и имел в виду, сказав «десять» только для нагнетания напряжения. Так что явится он не сразу, но все равно слишком рано!

Когда осталась последняя ветка, Крепыш предложил чуть притормозить. Пусть Мерзавр увидит – еще осталось что делать. Тут трудившиеся неподалеку трактористы наконец прервали работу, о чем возвестил мощный свист стравливаемого пара, и засобирались на обед. А к нам, конечно, по закону подлости немедленно явился бригадир. Ну еще бы минут пять, всего лишь!

Не дав возмущенно взирающему на нагло не выполненное до конца задание Мерзавру раскрыть пасть, Крепыш, рискуя в третий раз за сегодняшний день огрести удар дубиной от скорого на расправу бригадира, подскочил к нему и попросил, «пока ребята заканчивают пилить последнюю ветку», показать ему следующий участок. Чтобы, значит, знать где и что и приступить не откладывая, как только допилят здесь. На пару секунд повисло угрожающее молчание. Дубина бригадира как бы в раздумье покачивалась на его широком плече. Сейчас

как опустится на спину Крепыша, ставя крест на наших планах! Однако гном вдруг повернулся кругом, и ненавистная дубина лишь слабо махнула в сторону следующего участка:

– Пошли! А вы, – на секунду опять повернулся он к нам, – чтобы через пять минут уже были на месте!

Глядя на неторопливо удаляющуюся широченную спину Мерзавра, за которым покорно плелся, сделав нам успокаивающий знак, столь удачно разругавший ситуацию Крепыш, я понял: у нас появился шанс. Мало того что теперь мы успеваем сделать задуманное, так еще и бригадир гарантированно не появится на участке в самый неподходящий момент. В конце концов, как оказалось, непредвиденное вмешательство Мерзавра привело к ситуации даже лучшей, чем планировалось!

Руководивший всеми приготовлениями Везунчик рассуждал точно так же.

– Давай, Кочегар, приступай! – произнес он, наблюдая, как по направлению к кухне двумя отдельными группами проследовали немцы-машинисты и обслуга из гномов. Немцы вообще обедают за пределами рабочей зоны лагеря, в отдельной столовой. И готовит им отдельная кухня. Ну а гномам – наша, лагерная, но тоже отдельно от простых заключенных, выбирая лучшие части из привозимых отходов мясокомбината. Небось куски кишок и волосатые лоскутки шкур у них в супе не плавают! Уже больше месяца здесь, а при одной мысли о лагерной похлебке все еще мутит... Кстати, а ведь если сейчас выгорит, я ее больше не попробую! Впрочем, если не выгорит – тоже, правда, совсем по другой, гораздо менее радостной причине... Однако сама мысль о том, что в любом случае больше этой гадости в рот не возьму, придавала дополнительные силы и помогла окончательно побороть страх перед неминуемым в случае неудачи наказанием. Скрываясь за наваленными в беспорядке свежесрезанными ветками, я рванул к трактору.

Возле гигантской машины никого не было, однако последний, открытый, участок оставшегося пространства все равно преодолел ползком, маскируясь в остатках «вытоптанной» паровым мастодонтом травы. Вот и грязные дырчатые металлические ступени приклепанной к корпусу лесенки, ведущей в расположенную в задней части трактора вотчину гномов-кочегаров. Еще раз внимательно осмотревшись вокруг, ухватился рукой за клепаный обод глубоко увязшего в мягкой почве огромного стального колеса с литыми толстенными спицами внутри и, опираясь на него, привстал и метнулся вперед. С ходу взлетев по двухметровой лесенке (спасибо низкой гравитации!), попал в котельное отделение.

Тут, естественно, было жарко. Потрескивали раскаленные заслонки котла и резко пахло горелой смолой. На ржавых, покрытых копотью крючках у боковой стенки висела рабочая одежда кочегаров – кожаные передники и рукавицы. Тоже закопченные до жути. Здесь же, в специальных захватах, стояли полностью металлические лопаты и кочерги, которыми гномы шуровали в топке. Не теряя времени, нацепил на себя передник и рукавицы, схватил лопату и приступил к делу. Открыл дверцу топки, вытащил оттуда, поддев кочергой, еле тлеющие сырые поленья и засунул вместо них значительно более горячие топливные брикеты, хранившиеся в металлической корзинке снаружи. Затем открыл до максимума заслонки воздухопроводов – брикетам нужен кислород. Так, тут, собственно, все. Тем более что из топки уже стало доноситься радостное потрескивание, свидетельствовавшее о значительном ускорении процесса горения.

Вылез из котельной и по другой уже лестнице поднялся в кабину. Тут, в отличие от котельной, царил полный порядок и чистота, подходящие рабочему месту истинных арийцев. Долго здесь задерживаться не стал, лишь завернул до конца начищенное бронзовое колесико крана, перекрыв трубу, ведущую к манометру с гудком. Теперь он не будет тревожно реветь при повышении давления до критического.

Оставалось последнее и самое главное. Ухватившись руками за край крыши кабины, с некоторым трудом забрался еще выше. Пробежав по горячей поверхности котла несколько

шагов, добрался до аварийных клапанов и заклинил их заранее заготовленными деревянными брусками. Вот теперь все! Если никто не вмешается – взрыв неизбежен!

Прихватив с собой несколько топливных брусков и все так же скрываясь, вернулся к напряженно ожидавшим на рабочем месте товарищам. Успокаивающе кивнул им издали. Так как последнюю ветку те уже за время моего отсутствия допилили, то мы сразу в исполнение приказа бригадира двинули к следующему участку. Тем более что это было как раз по дороге к вожденной бане. Да и желательно убраться подальше от трактора, превращенного в мину замедленного действия.

До обеденного перерыва заключенных, в отличие от привилегированных машинистов, оставалось еще около получаса, поэтому все варвары находились на положенных рабочих местах. А ведь некоторые из них пострадают от взрыва... Что-то вроде угрызений совести шевельнулось было у меня внутри, но тут же заглохло. Все равно все они скоро погибнут, и никто им не мешал самим бежать! Я прекрасно чувствовал сомнительность данных оправданий, однако выбора не было. Вернее, я уже сделал его ранее.

До участка добрались за пару минут. Мерзавр уже в нетерпении расхаживал рядом. Крепыш, забравшись на ствол, рубил первую ветку своим топориком. Бригадир открыл было пасть, чтобы прокомментировать наше прибытие, но не успел – сзади вдруг донесся страшный грохот. Котел наконец рванул.

Глава 5

Да, мощность взрыва я сильно недооценил! Хотя откуда мне знать, как взрывается паровой котел? Только умозрительно. Но в трехметровой цилиндрической посудине оказалось слишком много энергии. Даже здесь, на удалении в две сотни метров от места взрыва, падали нехилые обломки. А некоторые и того более – гадко вжикая, пронеслись над нашими головами еще дальше. Пожалуй, на прежнем месте работы нам бы пришлось несладко. Так что следует вынести особую благодарность Мерзавру за столь своевременный приказ перебазироваться.

К слову, гном застыл на месте с разинутым от шока ртом, уставившись на возникшее на месте трактора облако пара. Взрыв настолько поразил его воображение, что бригадир даже выронил свою неразлучную дубину из рук. Несмотря на пролетающие невдалеке с визгом обломки, он, в отличие от более опытных нас, к тому же ожидавших взрыва, и не подумал искать укрытие. Вот бы стукнуло его сейчас случайным осколком по лбу! Увы, дуракам везет. Как назло, все осколки котла и обломки веток со всяким мусором благополучно пролетели мимо. Но, судя по донесшимся крикам и беспорядочному топоту ног, так повезло далеко не всем. На что мы, собственно, и рассчитывали.

В лагере, как и планировалось, началась паника. Работавшие в окрестностях варвары в ужасе бежали от взорвавшегося трактора. Менее впечатлительные, чем Мерзавр, представители администрации и не доевшие свой обед машинисты – наоборот, к нему. Заодно бригадиры лупили дубинками встречающихся на пути варваров в тщетной попытке остановить беспорядочное бегство. Даже караульные на башнях смотрели в основном на место взрыва. Короче, самое время по-тихому улизнуть.

Но придурок-бригадир все еще торчал тут, как памятник жертвам контузии! Не победим же мы прямо у него на глазах! Что же делать? К счастью, у Везунчика на этот вопрос ответ нашелся немедленно. Недолго думая, тот, выпрыгнув из укрытия, с силой всадил все еще растерянному Мерзавру свой топорик прямо посреди лба. Выразив таким образом упомянутую ранее благодарность за увод из опасной зоны. Ну и заодно и за все остальное «хорошее», что бригадир успел сделать каждому из нас за время пребывания в лагере. Гном, не издав ни звука, осел на траву, а я испуганно огляделся – вдруг кто заметил? Однако бывший офицер разведки, нанося смертельный удар, верно оценил обстановку – мы находились в достаточно защищенном от посторонних глаз месте. Никто на нас не смотрел, и путь к свободе оказался наконец открыт.

Не теряя времени, ринулись, скрываясь по возможности за наваленными вокруг стволами и ветками, к спасительной бане. Без лишних приключений достигли вождя строения без окон, со стенами из ошкуренных, плотно пригнанных друг к другу бревен – гномы же не для постороннего дяди, а для себя, любимых, строили. Все вокруг, включая внешнюю охрану, слишком отвлеклись на происходящее в рабочей зоне.

Первым, с силой выбив закрытую дверь ногой, в помещение, держа наготове топорик, ворвался Крепыш. В данное время баня должна быть пуста, но все может случиться. Следом сразу же заскочил Везунчик, а за ним, не мешкая, и остальные. Последним протиснулся в низкий проем я. Внутри валялся невесть откуда взявшийся гном с уже аккуратно раскрытым черепом – предосторожность Крепыша оказалась не лишней. А его хваленая сила – явно не мифом, судя по глубине раны. Но более никого тут не находилось. Быстренько вставили на место входную дверь, осмотрев напоследок окрестности. Тьфу-тьфу, но первая фаза побега вроде бы прошла гладко: никто нас не заметил. Однако, чтобы гарантировать отсутствие преследования с тыла, мы предусмотрели и дополнительные меры.

Пока Крепыш с Везунчиком открывали крышку спрятанного под грубо сколоченным столом люка и проверяли, нет ли кого в лазе, я с помощью Вонюши и Ощутилло засунул в заготовленную в бане возле кирпичного очага кучку поленьев захваченные из трактора горючие брикеты. Для верности создали несколько очагов возгорания, sprыснув каждый из фляги с «гномьей настойкой» – она хорошо способствовала воспламенению. Взял с полки у очага оловянную коробочку вонючих немецких спичек на бертолетовой соли (впрочем, других на этой планете не имелось – остальные народы разводили огонь вообще «дедовскими» способами), еще одну, запасную, бросил Вонюше – возьмем с собой, пригодится.

Из люка показалась бритая, покрытая светлым пушком голова Везунчика, утвердительно кивнувшая. Ощутилло прихватил связку факелов, заготовленную гномами специально для походов под землей, и исчез в отверстии. Мы с Вонюшей споро подожгли брикеты и, уже ощущая запах гари и характерное потрескивание, нырнули в подземный ход. Вместе задвинули тяжелую крышку люка. Все, обратной дороги нет – наверху теперь огненный ад. Только вперед!

Зажгли пару факелов – в крайне ограниченном пространстве лаза больше и не требовалось. Уж очень узким его вырубили. Хотя если присмотреться, то вовсе и не вырубили. Так, стесали слишком уж выпирающие углы кое-где. А сама пещера явно естественного происхождения. И рисунок пород на стенах об этом свидетельствует, и тянущая из темной, непросматриваемой в слабеньком свете факелов глубины обволакивающая могильная прохлада. Что ждет нас впереди?

Не откладывая, двинулись дальше. Первым, держа в одной руке факел, а во второй – опробованный уже на голове покойного Мерзавра топорик, шел Везунчик. Оставалось надеяться, что он и далее будет оправдывать свое прозвище. Следом ступал Крепыш, держа в руках точно такие же предметы. Ну а за ними тащились и мы втроем.

Почти сразу лаз стал расширяться, превратившись в нормальный ход. Тут уже не имелось следов человеческого вмешательства, зато четко проявилась карстовая природа данного подземелья. Оно явно было создано водой, растворившей горную породу. Ход заметно уходил вниз, иногда немного виляя из стороны в сторону, но, в общем, насколько можно было судить, примерно сохраняя свое первоначальное направление на север. Судя по рассказу уже побывавших тут товарищей, идти до развилки предстояло около десяти минут. Это если медленно и осторожно. Но мы-то уже представляли, что нас ждет впереди, и, кроме того, существовала вероятность обмена информацией между «нашими» гномами и их пещерными коллегами, к которым те регулярно, судя по всему, наведывались. Надо добраться до развилки, пока туда не сообщили «горячую» новость. Впрочем, некоторый «беспорядок», в котором мы оставили лагерь, позволял надеяться, что наш побег не сразу заметят.

В какой-то ему одному ведомый момент Везунчик – самопровозглашенный лидер отряда – остановился и поднял руку. Все остальные, шедшие сзади, мгновенно замерли на месте. Уже пришли? Однако впереди, в слабом свете факелов, не было видно ни зги. Где развилка? Стоявший вторым Крепыш, подчиняясь, видимо, полученному указанию, присел на корточки и взмахом руки призвал нас последовать его примеру. Мы и последовали, а Везунчик вдруг, отдав свой факел Крепышу, подался вперед, тут же растворившись в окружающей нас кромешной тьме. Ну да, он же разведчик, вот и отправился на разведку.

Все сгруппировались вокруг Крепыша, внимательно вглядывавшегося в направлении удалившегося товарища. Ширина его плеч внушала некоторый оптимизм на фоне окружавшей нас грозной неопределенности. По крайней мере, мне было не по себе в темном пространстве пещеры, особенно учитывая наличие врагов и спереди, и сзади. Другим, наверное, тоже. Однако даже в таких условиях вечно подозревающий всех и вся Ощутилло не преминул обсудить кандидатуру обозначившегося лидера.

– Не нравится мне, что Везунчик один туда пошел! – тихим голосом, еще более усугубившим и так посредственную дикцию, начал бубнить он. – И сам он мне давно не нравится! Подозрительный тип!

– Да ладно тебе! – как обычно чуть промедлив, возразил Вонюша. – Все же на наших глазах!

– На наших? Ты его сейчас видишь? Знаешь, чем он там занимается? – не унимался Ощутилло, продолжив оглашение списка своих подозрений. – С гномами общий язык быстро нашел! А? Все знает, все умеет, все у него всегда получается! Не так? Неспроста это, ох, чую, неспроста! Щас как вернется с отрядом долбанных коротышек!

– А ну цыц! Кончай чушь молоть! – на секунду оторвавшись от напряженного наблюдения за темнотой спереди, сквозь зубы, отчего голос казался еще более угрожающим, прикрикнул на не в меру разошедшегося товарища Крепыш. – Еще кто хоть слово произнесет – огребет от меня люлей!

Попадать под раздачу – тяжесть руки Крепыша все знали – никому не хотелось, поэтому дискуссия прекратилась, толком не начавшись, и вновь воцарилась абсолютная тишина. Только где-то на грани слышимости доносились звуки текущей воды. Подземный ручей, наверное. Я, скрашивая вынужденное ожидание, принялся обдумывать только что сказанное Ощутилло. Может ли Везунчик быть предателем? Но как? И, главное, зачем? Допустим, хотел бы выслужиться перед руководством лагеря, гарантировать себе жизнь в полном опасностей быту заключенного... Только вот побег со взрывом ценной техники – вряд ли лучший метод для этого. Ради чего устраивать подобное представление? Чтобы сдать остальных? Глупости! И без всякого побега бригадир мог запросто забить любого из нас до смерти, не объясняя причин. Зачем такие сложности?

Тут вдруг подумалось: а если это все из-за меня? Вдруг ОНИ все-таки знают, кто я на самом деле? От этой мысли дрожь пробежала по телу, захотелось вскочить и побежать куда глаза глядят, однако я быстро взял себя в руки. Налицо явный случай начинающейся паранойи! Опять же, все слишком сложно. На что меня могли бы провоцировать подобным свехзапутанным способом? На раскрытие своей настоящей личности? Но это можно было сделать простым применением банального физического воздействия! Даже особо пытать бы не пришлось – я и не собирался запираяться. Нет, определенно чушь и паранойя! Такая же, какая, видимо, развилась и у давно находящегося в неволе Ощутилло. Кстати, сам он не менее подозрительная личность, чем Везунчик. А то и более! Выжить больше трех лет в малопригодных для существования условиях вражеского плена – далеко не тривиальная задача. Спокойно можно начинать подозревать во всяких гадостях. Да любой из нас, если уж на то пошло, темная лошадка! Не удивлюсь, если, пока я не слышу, тот же Ощутилло гонит бочку и на меня! С полным на то основанием, кстати говоря: далеко не все товарищам про меня известно. Так что все это глупости. Надо самому про всякие дурацкие подозрения забыть и Ощутилло, когда тот поднимает данную тему, по рукам давать. Или по губам...

Тут наконец из кромешной тьмы вновь материализовался Везунчик, причем, что характерно, без малейшего звука. Профессионал! Сидевший рядом со мной Ощутилло, полный страшных подозрений, непроизвольно дернулся, однако Везунчик был один. Никаких гномов он, разумеется, за собой не привел. Сосед, осознав этот факт, шумно выдохнул.

– Тихо! – шикнул на него разведчик и доложил об увиденном: – Все в порядке, там ничего не изменилось. Действуем по плану! Пошли!

Перед очередным поворотом хода Везунчик, с воодушевлением вернувшийся к столь привычной для него ранее роли командира разведотряда, знаком приказал погасить факелы. Мы оказались в объятиях тьмы, лишь спереди с трудом угадывалось свечение неясной пока природы. Держась друг за друга и повернув еще дважды, продвинулись гуськом до соединения

лаза с основным рукавом пещеры. Тут и обнаружился источник свечения – десятка два развешанных под потолком довольно большого зала электрических ламп. Их резкий, непривычный свет больно ударил по глазам, заставив на несколько секунд прикрыть их рукой.

Пока восстанавливалось зрение, Везунчик придержал нас за прикрывавшим выход куском скалы, покрытым застывшими потеками кальцита. После чего стало возможным осмотреться уже поосновательнее. Да, все как и рассказывали уже побывавшие здесь товарищи. Помещение, в которое выходил лаз, представляло собой длинный и широкий участок пещеры с сужениями в обоих концах. Левое от нас, очевидно, вело на поверхность, судя по уходящей туда утрамбованной дороге, по которой в данный момент пара изможденных варваров под присмотром вооруженного дубинкой гнома резво толкала тележку, наполненную какой-то желтоватой гадостью. Оную гадость добывали другие варвары из большой ямы посреди зала. Раньше по яме, видимо, протекал широкий ручей, сейчас заботливо отведенный в сторону с помощью каменно-песчаной насыпи. Огибая яму, тот с характерным шумом, свидетельствующим о наличии водопада, исчезал в где-то рядом с выходящим на поверхность концом дороги. А попадал ручей в зал из темноты правого сужения. Дорога туда не вела, да и самый крайний участок возле русла был перегорожен деревянным заборчиком, что позволяло предположить: там-то и расположен проход в необитаемую часть пещеры. А явно ощущавшееся движение воздуха свидетельствовало о наличии там выхода на поверхность. Вопрос только: есть ли к нему нормальный проход? Самые опытные члены нашего отряда, Крепыш и Везунчик, повидавшие на прежней «работе» немало пещер, по одним им ведомым признакам определили, что есть. И не очень далеко. В здешних горах, как выяснилось, вообще было полно карстовых пещер из-за избытка известняковых пород, и ими частенько пользовались. А дальше на север их имелось столько, что проживающие в тех местах гномы вообще на поверхности почти не показывались – хватало гораздо более безопасных подземных помещений.

Выход из лаза располагался как раз вплотную к «нужному» концу зала. Всего-то метров сорок. Но сначала потребуется как-то перелезть или сломать преграждающий путь заборчик. Что непросто, когда над тобой в деревянной клетке, закрепленной у потолка, разгуливают два дежурных немца с карабинами. И обзор у них оттуда превосходный – перестреляют как в тире! Так что разработанный нами план предполагал некоторые предварительные действия...

...Пользуясь свисающими со своеобразного карниза, тянущегося вдоль правой стенки, и частично прикрывавшими нас от взора караульных длинными сталактитами (во всем остальном пространстве пещеры они были старательно сбиты – чтобы не ухнули кому-нибудь случайно по кумполу, а растущие снизу сталагмиты – срезаны), подобрался поближе к расположенному внизу маленькому деревянному домику. От него вверх, в «орлиное гнездо», вела хлипкая на вид (если забыть о пониженной тяжести) лестница, а изнутри доносился приглушенный смех и фразы на немецком – там отдыхала свободная пара охранников. Я, Вонюша и Ощутилло, приготовив свое нехитрое оружие, затаились у дверей на случай, если кто-то из двух засевших внутри немцев решит вдруг выйти. А Везунчик с Крепышом, демонстрируя профессиональные навыки и отсутствие особого влияния двух поколений, выросших при низкой силе тяжести, на мышечную структуру, неслышными тенями прошмыгнув мимо просматриваемой сверху лестницы, быстро-быстро стали взбираться по поддерживающим клетушку столбам, зажав рукоятки топорики во рту наподобие древних пиратов. Особенно впечатлил более молодой и тренированный Везунчик, буквально в пару касаний «взлетевший» на высоту двух десятков метров. Со стороны это смотрелось как сцена из дешевого китайского фильма, если, опять же, забыть о слабом притяжении.

Первым достигнув бортика корзинки, он несколько секунд подждал чуть приотставшего товарища, после чего оба одновременно прыгнули внутрь, уже с оружием в руках. Несколько долгих мгновений не доносилось ни звука. Мы, оставшиеся внизу, затаили дыхание. Но тут из-за бортика показалась крупная русая голова Крепыша. Зажатым в руке трофейным карабином

он подал нам знак действовать. Первым ворвался в помещение караулки Вонюша, за ним я, но сделать ничего уже не успел. Обычно немного медлительный товарищ двумя точными ударами топора раскроил головы мирно закусывавшим немцам, забрызгав кровью сковородку со стоявшей на столе и восхитительно пахшей после месяца-то питания лагерной бурдой яичницей. Ладно уж, все равно времени на еду нет!

Пока вооружались трофейными карабинами, ножами и портативными фонариками с запасными батареями, стаскивали с трупов сапоги – ведь ни у кого, кроме меня, нормальной обуви не имелось, – появились спустившиеся с «потолка» товарищи. Тоже уже в обновках. Пора было двигать дальше. Путь к свободе преграждало еще одно помещение, располагавшееся на уступе ниже караулки. Судя по доносящимся оттуда запахам – столовая для рабочих. Надо же, наверное, очень важный объект здесь, раз расщедрились для заключенных на помещение для приема пищи. У нас в лагере все попроще было, без подобных изысков...

В столовую ворвались через единственную дверь. Двух гномов-охранников зарезали трофейными кинжалами сразу же, те и сообразить ничего не успели. Гном-повар метнулся было к выходу, но и его постигла та же участь. Ну а кроме них тут присутствовала только небольшая, рыл на десять, бригада варваров. Видимо, размеры столовой позволяли питаться только побригадно, так как возле ямы трудилось явно больше заключенных. Кстати, подумав об оставшихся возле ямы гномах-надсмотрщиках, я озабоченно выглянул наружу. Но нет, небольшой произведенный нами при захвате помещения шум ничьего внимания не привлек – далековато. И тем более ничего не заметили на втором немецком посту у выхода на поверхность.

Оторванные от еды варвары взирали на нас с изумлением и испугом. С ними-то что делать? Хотели просто пройти мимо, однако один из них вдруг на очень ломаном русском осведомился, не бежим ли мы отсюда случайно. Мы подтвердили его догадку. Тогда варвары повскакивали с мест и стали проситься с нами. Переглянувшись, решили: почему бы и нет? Время поджимало, и разбираться сейчас еще и с варварами было бы совсем уж лишним. Пусть присоединяются!

Однако пришлось еще немного задержаться. Во-первых, собрали на кухне все съестное, которое там нашлось. Сложили продукты в корзинки и нагрузили ими вовремя подвернувшихся варваров. Вот и какая-то польза от них будет! А во-вторых, около заветного заборчика наткнулись на стоящий отдельно маленький низкий сарай. Внутри обнаружился только один небольшой ящик. Зато в нем – круглые серые цилиндрики. И я, и Везунчик сразу их опознали – взрывчатка! Осталась от расчистных работ в пещере, видимо. Поэтому и хранится в отдельном помещении подальше от всего. Вот повезло!

– А давайте рванем выход из пещеры! – вдруг предложил Крепыш, осознав всю ценность находки. – Завалим его к чертям! Чтобы гарантированно не было погони.

– Давайте! – согласился Везунчик, вертя в руках цилиндрок. – Только как? Запального шнура я что-то не вижу.

– Деревня! – Я указал ему на еще один ящичек, сразу не замеченный в потемках. – Вот электрические детонаторы, а вот провод и генератор. Крутишь ручку – и сразу... бум!

Почувствовав на себе подозрительный взгляд Ощутилло, поспешил объяснить источник своих неожиданных для товарищей знаний:

– В трофейном дирижабле был запас таких! Нас научили обращаться.

Не знаю, поверили ли в это товарищи, но более вопросов никто не задавал – некогда было. Мы просочились мимо заборчика по берегу ручья, заложили у узкого входа несколько шашек, вставили детонаторы. Отмотали провод на максимум – метров сто. Учитывая несколько поворотов пещеры, должно быть безопасно для нас.

– Ну что, поехали? – произнес я и крутанул ручку.

Глава 6

И опять я не рассчитал мощность взрыва! Сначала по ушам сильно, но терпимо долбанула ударная волна. А секундой позже из-за ближайшего поворота выскочило облако пыли и гари. Я успел крепко зажмурить глаза и растянуться на полу, прикрывшись руками. Что-то больно ударило по ноге, а нос, несмотря на задержанное дыхание, оказался забит мелкой крошкой, вызвавшей безудержный чихательный рефлекс. Вокруг с грохотом, впрочем, не особо громким после воздействия на уши ударной волны, падали какие-то предметы. Какие – видеть не мог, предусмотрительно не открывая глаза. Хотя и это помогало плохо, все равно вездесущая пыль набилась под веки, тут же наполнившись и слезами.

Через некоторое время, прочихавшись, прокашлявшись и прослезившись, осмелился, оценив полученные моим организмом повреждения от взрыва как несущественные, приподняться и осмотреться. Ничего, конечно, не увидел – пара зажженных после входа в узкий рукав факелов были, естественно, погашены взрывной волной. Зато набитые пылью уши заполнились доносящимися из темноты криками и стонами. Кажется, не все так легко отделались, как я. Включил так вовремя захваченный у врага фонарик. Бледный и узкий луч электрического света выхватывал из объятий тьмы одну за другой картины нанесенного взрывной волной разгрома. На неровном полу пещеры вперемешку валялись, щедро присыпанные пылью, люди, оружие, корзины и выпавшие из них продукты.

Рядом появился еще один луч – это додумался включить фонарь Везунчик. И еще два – Вонюши и Крепыша. Вчетвером быстренько осмотрели всех, ориентируясь на самые громкие стоны. В общем, почти никто серьезно не пострадал. Так, порезы, ушибы. Какой-то варвар от испуга обделался, завоняв все вокруг. И только одному из присоединившихся к нам заключенных не повезло по-настоящему: на него упал сбитый взрывной волной крупный сталактит, вонзившись в спину и проткнув насквозь. Несчастный варвар был еще жив, пришпиленный, словно букашка, гигантской булавкой к покрывавшему низ пещеры слою нанесенной подземным ручьем плотной грязи, и, жутко подвывая, беспомощно скреб ногтями землю вокруг себя. К нему подскочил один из его товарищей и занес над головой трофейный топор, чтобы прекратить мучения обреченного. Я отвернулся...

Придя в себя, собрав разбросанное снаряжение и перевязав немногочисленные порезы, собрались в путь. Но прежде надо было убедиться, что взрыв, причинивший нам столько неприятностей, достиг своей цели. То есть хотя бы частично завалил проход. На «инспекцию» отправились мы с Везунчиком, как эксперты, прихватив для охраны еще и Вонюшу. Как говорится, два карабина хорошо, а три – еще лучше. А совсем хорошо – четыре, однако последний остался у наводившего порядок среди варваров Крепыша. Ощутило же остался вообще без трофейного ствола, но он все равно толком не умел им пользоваться. Так же как и присоединившиеся к нам в пещере другие заключенные.

Беспокоились мы напрасно – карабины на этот раз не понадобились. Вход завалило качественно. Даже ручей перегородило – лишившаяся стока вода стала подниматься по берегам русла, ища новый выход. Будет неприятный сюрприз для разбирающих завал с той стороны! Короче, о погоне в ближайшие часы точно можно не беспокоиться.

Чтобы не расходовать зря бесценный и невозполнимый заряд батареек, выключили фонарики, оставив в качестве источника света только три факела. Последних мы набрали довольно много в лагерной бане, а на пещерной кухне еще чуть пополнили запас. Там хранилось некоторое количество готовых к употреблению факелов, видимо на случай перебоев с поступавшим откуда-то с поверхности электричеством. Тем не менее и данный источник света в голем подземежье являлся невозполнимым, поэтому, собравшись настолько плотной группой, насколько

позволяла ширина подземелья, сократили количество одновременно зажженных факелов до минимума. Чисто чтобы не спотыкаться на каждой мелкой расщелинке.

Первый час движения, за который то и дело, натываясь в полумраке на разнообразные препятствия, проделали путь километра в три, вопрос выбора направления вообще не стоял за отсутствием альтернатив. Если и отходили рукава в стороны, то мелкие и непролазные. А потом мы достигли первой настоящей развилки. Ход, увеличившийся к этому времени метров до пяти в диаметре, разделялся тут на два. Широкий, продолжавшийся дальше, по которому и шло основное русло подземного ручья, и второй, поменьше, уходивший влево-вверх. Из него тоже стекала струйка воды, соединяясь с основным потоком, но совсем уж тоненькая.

Наши «специалисты по пещерам», почти не колеблясь, указали как раз на второй ход. И действительно, из него веяло еле ощутимым сквознячком. Скорее всего, там есть выход на поверхность. Но нашелся и имеющий другое мнение. Им оказался Ощутилло, вдруг устроивший истерику. Он считал, что мы все еще слишком близко к Периметру и нас там ждет засада. Или, в лучшем случае, выход завален. На осторожное замечание Везунчика о том, что он не одну сотню таких пещер исходил и знает лучше, последовал поток обвинений в завышенном самомнении, неосмотрительности и вообще «если чего не хуже». Тогда вмешался Крепыш, придерживавший за рукав явно уже собравшегося начистить рыло крикуну бывшего разведчика и сообщивший, что кто не хочет, может оставаться здесь. После чего полез в вызвавшее спор ответвление пещеры. Следом, презрительно сплюнув, полез Везунчик, за ним варвары, в большинстве своем так и не понявшие, из-за чего разгорелся скандал (только двое из них едва говорили по-русски). Мы с Вонюшей последовали за всеми, и оставшийся в одиночестве в едва освещенной единственным факелом пещере зачинщик ссоры, как и следовало ожидать, тоже полез в ответвление, ругаясь сквозь зубы. На этом инцидент вроде бы оказался исчерпан. Пока. Но случившееся опять вызвало у меня некоторые подозрения. На этот раз, скорее, в адрес Ощутилло. Почему-то казалось, что он твердо знает: ход впереди тупиковый. Да ерунда это! Не может быть... Я отбросил дурные мысли и прибавил шагу, чтобы догнать несколько оторвавшуюся от нас основную группу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.